

**ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СТАРОЛАДОЖСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК**

**КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ, ИСТОРИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
Тезисы докладов**

**Санкт-Петербург
ИПК «Вести»
2002**

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СТАРОЛАДОЖСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ПОСВЯЩАЕТСЯ
75-летию Ленинградской области
1250-летию Старой Ладogi
30-летию Староладожского музея-заповедника
30-летию Староладожской археологической
экспедиции

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ, ИСТОРИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
Тезисы докладов

Санкт-Петербург
ИПК «Вести»
2002

Под редакцией:

А. Н. Кирпичникова (ответственный редактор и составитель)

В. С. Пономарева

В. С. Симакова

Культура, образование, история Ленинградской области.
Научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Ленинградской области, 1250-летию Старой Ладogi, 30-летию Староладожского музея-заповедника, 30-летию Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской Академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Сердюков. Из роста экономического — в социальный	4
Н. И. Пустотин. О подготовке празднования 1250-летия Старой Ладogi.	11
Г. В. Двас. О филокартических исследованиях исторического прошлого Ленинградской области.	13
М. М. Михайличенко. Региональная пресса: через прошлое — в будущее.	17
В. Б. Богуш. Культура Ленинградской земли. Итоговые размышления и оценки.	20
В. Н. Скворцов. Кому передать штурвал. Концепция развития университета как центра непрерывного образования Ленинградской области.	26
В. Д. Словохотов. Заметки о театральной культуре.	34
А. Н. Кирпичников. 1250-летие Старой Ладogi.	39
Л. А. Губчевская. Староладожский музей-заповедник: вехи развития.	48
Е. Н. Носов. Некоторые итоги изучения Рюрикаова городища	51
Е. А. Рябинин. Раскопки Любшанского городища в нижнем Поволховье (предварительные результаты археологических исследований)	53
Д. А. Мачинский. Была ли Ладoga столицей Руси?	58
А. А. Селин. Средневековые источники по истории Ладogi.	66
Б. Г. Васильев. Некоторые итоги исследования фресок Георгиевского храма в Старой Ладoge.	71
А. И. Сакса. Выборг и Карельская земля.	76
С. В. Белецкий. Становление Пскова	80
П. Е. Сорокин. Морская археология Северо-Запада и перспективы развития водного туризма	85

Конференция посвящается 75-летию Ленинградской области,
1250-летию Старой Ладogi,
30-летию Староладожского музея-заповедника,
30-летию Староладожской археологической экспедиции Института
истории материальной культуры Российской Академии наук

ИЗ РОСТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО — В СОЦИАЛЬНЫЙ

Время доказало, что в Ленинградской области была избрана верная стратегия для зарождения новых социально-экономических отношений, внедрения новых идей и технологий. И не случайно, что в год 75-летия Ленинградская область впервые стала финансово самодостаточным регионом и перешла из разряда дотационного в доноры.

Последние два года в нашей области наблюдается стабильный экономический рост. Однако на самом деле это означает лишь то, что удалось выровнять экономику после спада в середине 1990-х годов. И если сопоставить объем промышленной продукции, произведенной предприятиями области в 2001 году с таким же показателем 1990 года, выяснится, что в прошлом году в регионе было произведено только 80% объема продукции начала 90-х. И даже столь престижное получение статуса донора никоим образом не может значить, что решенными оказались все региональные проблемы. Признание же на федеральном уровне — это лишь начало нового этапа жизни региона — масштабного развития как отдаленных северо-восточных районов, так и тех отраслей, которые пока являются отстающими в нашей экономике.

Сравнивая разные временные периоды развития Ленинградской области, следует отметить, что если несколько лет назад мы занимали одно из последних мест в рейтинге регионов Северо-Запада и России в целом, то сегодня наши позиции изменились коренным образом. Мы вышли из состояния слабого, не могущего себя обеспечить региона, в категорию самодостаточного и сильного экономического лидера. На долю Ленинградской области в последние годы приходится в среднем 14% всего произведенного на Северо-Западе объема промышленного производства, в то время как по данным Петербургкомстата в Ленинградской области проживает менее 11% населения округа.

Однако столь благоприятная ситуация, которая обеспечивает рост благосостояния жителей и гармоничное развитие всей территории, продлится только в случае, если продолжится непрерывный поиск новых путей и форм экономического

развития, если не прекратится приток отечественного и иностранного капитала. Сегодня мы можем говорить о том, что власть устранила основные законодательные и административные барьеры, тормозившие развитие области: приняты законы, обеспечивающие успешную работу инвесторов.

У нас подписано и реализуется почти 90 инвестиционных соглашений с отечественными и западными компаниями по строительству или реконструкции предприятий. Общий объем накопленных инвестиций уже превысил 2 млрд. долларов. Они материализованы в корпусах фабрики «Филип Моррис Ижора», завода «Форд Всеволожск», в портовых сооружениях Приморска и Усть-Луги, в других многочисленных объектах, вошедших в строй за последние два-три года. Мы только что открыли крупнейший в России стекольный завод в Кингисеппе и готовимся к запуску осенью этого года такого же предприятия в Киришах. В канун юбилея области в Тихвине был запущен завод по переработке древесины «Сведвуд-Тихвин», в который шведский концерн IKEA вложил 220 млн рублей. По прогнозу Комитета экономики и инвестиций, к концу этого и в будущем году на территории региона появятся такие предприятия, как «Всеволожский мясокомбинат», вложения в который достигают 5 млн долларов, концерн «Лемо» откроет один из крупнейших в регионе лесоперерабатывающих заводов с инвестициями почти в 20 млн долларов. Кроме того, компания «Петро-Фриго» строит за 3 млн долларов в Гатчине морозильный комплекс, а компания «МДМ-Печать» организует за 7 млн долларов новую типографию. И это лишь небольшая часть наших инвестиционных планов.

Особо хотел бы отметить два момента. Во-первых, в структуре областных инвестиций активно нарастает доля отечественных капитальных вложений. В прошлом году их было уже около 60% из всех вложенных в нашу экономику средств. И, во-вторых, пошли инвестиции в сельское хозяйство, что позволило вывести на передовые позиции в России наше птицеводство и молочное животноводство. В области становится все больше и больше прибыльных сельскохозяйственных предприятий.

Улучшение в экономике подтолкнуло к развитию и всю социальную сферу. Достаточно сказать, что зарплата в регионе выросла за последние два-три года в полтора-два раза, в зависимости от отрасли. Прогноз социально-экономического развития до 2005 года показывает, что тенденция к росту благосостояния продолжится: большинство социально-экономических показателей вскоре превысят уровень 1990 года. И одна из главных задач правительства на ближайшие годы — эффек-

тивно воспользоваться всем, наработанным в законодательном и административном аспектах, багажом. Мы должны стремиться к европейскому уровню благосостояния большинства людей. Именно такую высокую планку необходимо ставить себе, решая социальные вопросы. Конечно, это весьма непростая задача, и одним скачком ее не решить. Нужна кропотливая, повседневная работа, шаг за шагом улучшающая положение дел.

Когда нынешнее областное правительство начинало свою работу, одной из главных головных болей были долги по зарплате бюджетникам: учителям, врачам, работникам культуры и социальной сферы. Мы обещали решить эту проблему — мы решили ее. Сегодня все задолженности ликвидированы и, более того, исходя из возможностей нашего бюджета, зарплата регулярно повышается. Хотя мы прекрасно понимаем и то, что хотелось бы многократного ее роста.

Точно так же, как и хотелось бы иметь резкое улучшение дел в здравоохранении. Но вдруг ничего не бывает. Вспомним: еще недавно человек ложился в больницу со своим постельным бельем, не было лекарств и нормального питания. Мало кто верил, что за год-два можно изменить ситуацию. Но факт налицо: мы сдержали слово. Решена проблема с обеспечением жителей нашего края лекарствами, повышается качество медицинского обслуживания в районных клиниках через обновление материально-технической базы, их поэтапной реконструкции. Помимо этого, в здравоохранении грядут существенные изменения, которые можно обозначить как новый подход к управлению целой отраслью. Высококвалифицированную медицинскую помощь в скором времени можно будет получать в полустационарных амбулаторных учреждениях — фельдшерско-акушерских пунктах, работающих по принципу «врачей общей практики». Их сеть охватит все населенные пункты региона. В августе впервые все областные поликлиники, больницы и фельдшерские пункты получают 150 машин скорой помощи.

Реализуются и намеченные два года назад меры по совершенствованию народного образования. Как и было нами обещано, компьютеризуются все школы, в классы поступают учебные пособия, нет проблем с литературой для учителей. За счет областного бюджета закуплено 19 микроавтобусов «Газель», которые будут обслуживать ребят из детских домов и школ-интернатов региона. Вышли на линию 80 школьных автобусов, которые доставляют наших ребят в школу и развозят их после уроков по домам. Вообще, если уж говорить о социальной сфере, то именно сюда, на решение копившихся года-

ми проблем, мы стараемся направлять как можно больше средств. Конечно, сделано еще немного, но и при недостаточных ресурсах областного бюджета ряд программ мы успешно выполняем. Если в прошлом году на строительство и реконструкцию разных объектов мы выделили около 300 млн рублей, то, по расчетам, в этом году финансирование составит примерно 400 млн рублей. Программа на будущий год, как планируется, увеличится.

Мы ввели более 120-ти новых или реконструированных объектов социальной инфраструктуры. А это — больше 20 школ, около 30 котельных, 20 больниц и поликлиник и другие объекты. Перечислим наиболее значительные из них. 14 лет шло строительство больницы во Всеволожске. Год назад мы ее открыли. В январе 2001 года начались работы в больнице Сосново. Ввели мы ее в строй уже через год. В этом году завершили реконструкцию больницы в Приозерске, работы по которой тянулись с 1998 года. К августу 2002 года планируем открыть амбулаторию в Бегуницах и ЦРБ Кировска. А к началу будущего года появится операционное отделение в Сясьстрое и завершится реконструкция амбулатории в поселке Мичуринское. С другой стороны, совершенно очевидно, что износ зданий больниц, школ, детских садов остается настолько высоким, что затрат на их модернизацию не осилит никакой бюджет. Поэтому мы ведем поиск дополнительных внебюджетных источников, привлекаем средства компаний, работающих на территории региона. Удачные примеры такого сотрудничества у нас есть. В конце прошлого года компания «Транснефть», сооружающая порт в Приморске, вложила около 5 млн \$ в строительство трех жилых домов. ЛАЭС в мае прошлого года ввела 36-квартирный дом в Сосновом Бору. В Пикалево частично на средства объединения «Глинозем» построен жилой дом. Компания «Сургутнефтегаз» выделила деньги на автомобили для здравоохранения, а «Лукойл» и «Транснефть» — на школьные автобусы.

Не забыто нами и такое важное направление, как воссоздание культурных и религиозных памятников. Большинство из них находятся пока еще далеко не в лучшем состоянии. Эксперты делают неутешительные для нас выводы: нужен десяток лет и миллиарды долларов, чтобы восстановить разрушенное культурное наследие: ведь в нашем регионе сконцентрировано 3900 памятников истории, культуры, религии, архитектуры. Но даже при недостатке бюджетных средств мы начинаем реконструировать объекты. В этом свете чрезвычайно важно отметить, что Патриарх Московский и Всея Руси Алексей Второй в своем благодарственном письме в адрес областного прави-

тельства отметил: «Отрадно, что Вы уделяете большое внимание восстановлению порушенных православных святынь, находящихся на территории вверенной Вашему попечению Ленинградской области. Прекрасные монастыри и храмы, построенные нашими предшественниками, постепенно обретают свой первоначальный облик».

Восстановление религиозных и культурных памятников важно для всех нас еще и потому, что без них невозможно духовное возрождение, консолидация всех нас вокруг чего-то очень значимого, того, над чем не властны ни время, ни история. Того, без чего невозможно становление духовно здорового подрастающего поколения. Что греха таить — в последние годы на проблемы воспитания молодежи внимания практически не обращалось. В итоге мы имеем рост преступности, наркоманию и проституцию.

В текущем году правительство Ленобласти приступило к реализации нескольких целевых программ, призванных противодействовать негативным тенденциям, помочь юношам и девушкам обрести активную жизненную позицию. Наряду с воспитанием молодежи в духе любви к Родине и патриотизма, не забываем и о помощи им. Впервые за 10—12 лет мы начинаем решать проблему с жильем для молодых. Конечно, эта долгосрочная, на 10 лет, социальная программа никогда полностью не снимет вопрос с повестки дня, но начинать нужно. Мы хотим создать условия, при которых молодые люди смогли бы жить достойно. По «Молодежной жилищной программе», финансирование строительства жилья для молодых семей пойдет из нескольких источников: и из местных бюджетов, и от предприятий, и из областного бюджета. В течение нескольких лет планируем выделить субсидии на возвратной и безвозвратной основе на сумму около 270 млн рублей.

Мы отлично понимаем: все, что задумано нами, может быть реализовано лишь при условии эффективно работающей экономики. И здесь возникает закономерный вопрос: а будет ли она эффективно работать? Со всей ответственностью могу сказать, что будет. Естественно, если не случится каких-либо катаклизмов в масштабах страны. Что же касается нашего региона, то у областного правительства есть четкая и прозрачная программа развития на ближайшие пять лет. Региональная экономика будет, как и сегодня, строиться на социально-ориентированных принципах: все решения у нас завязаны, прежде всего, на социальные интересы жителей, а деятельность региональных предприятий будет еще более социально-ответственной, чем сегодня. Такой принцип взаимодействия власти, бизнеса и населения является основой политики мно-

гих развитых стран и показывает свою высокую эффективность.

Но чтобы добиться этого, важно обратить особое внимание на те отрасли, которые при своих огромных потенциальных возможностях приносят региональному бюджету пока недостаточные доходы. В частности, это касается почти всех предприятий малого и среднего бизнеса. Этот сектор занимает около 10—12% в экономике России, что в пять-шесть раз меньше, чем в развитых странах. Но самая сложная задача заключается в том, чтобы создать такие условия, при которых коммерсанты были бы заинтересованы вывести из теневого оборота свои финансовые средства. На это нужен еще не один год. По нашим расчетам, ежегодно число субъектов малого бизнеса должно расти на 15%. Для реализации этого у нас есть несколько новых инициатив. Например, мы компенсируем часть затрат предпринимателей на разработку бизнес-планов, коллегиально принимаем решение и частично финансируем подготовительный этап работы над проектом. Таким начинаниями может похвастаться не каждый регион.

Экономика становится более устойчивой, когда наряду с традиционными отраслями (крупными, но зависимыми от состояния дел на рынках, как например, энергетика, нефтепереработка, металлообработка и другими) со значительной прибылью работают предприятия всех отраслей. Когда с полной отдачей используются все имеющиеся у региона преимущества. С такой точки зрения для нас существенным резервом роста является туризм. На территории Ленобласти находится огромное количество интереснейших памятников, жемчужин истории и культуры. Более того, для некоторых районов или волостей туризм вообще может быть основной доходной статьей для бюджета. Давно работает туристический комплекс в деревне Большие Мандроги в Подпорожье, власти Волосовского района создают туристический маршрут к усадьбе Рериха. В Приозерском районе доля поступлений в местный бюджет от предприятий туристического бизнеса достигает 3% от общей суммы налогов. Один из потенциально высокодоходных проектов связан с развитием парка спорта, туризма и отдыха в Токсово. Есть десятки таких же и совсем необычных, но высокодоходных туристических проектов. Так что, при наличии инвесторов (а на многие туристические проекты бизнесмены «стоят в очереди») и грамотном управлении инфраструктурой, через несколько лет, как мы ожидаем, туризм станет одной из важных статей всего бюджета.

Наконец, еще одна резервная точка роста нашей области — жилищно-коммунальное хозяйство, на содержание которого

мы тратим почти половину бюджета. Сумеет ли привести здесь порядок — значит сумеет направить больше средств не на ЖКХ, а на решение социальных задач.

Но рассчитывать на достижение европейского уровня сервиса в сфере ЖКХ в ближайшие годы пока не следует. Объемы необходимых инвестиций на реконструкцию отрасли настолько велики, рентабельность предприятий ЖКХ настолько низка, а издержки так огромны, что за год-два проблему не решить. Но за восстановление ЖКХ мы взялись всерьез, и темп реконструкции объектов нарастает. За год мы запустили около 30 реконструированных котельных, около 20 газопроводов. И в будущем году реконструируем не меньшее их количество. В то же время, весьма перспективны и новые направления развития этой отрасли. Во-первых, это перевод котельных региона на биотопливо, что снимает проблемы в поселках, куда экономически невыгодно «тянуть» газ, либо возить мазут или уголь. Во-вторых, вполне оправданна продажа части инфраструктуры ЖКХ частным компаниям, которые нашли бы способы для ее эффективного использования. Наконец, в-третьих, необходимо, чтобы и население платило за купленные услуги. Но в этом вопросе мы ставим работникам жилкомхозов условие: люди должны платить за те услуги, которые реально получают, а не за покрытие потерь в теплосетях и не за разгильдяйство коммунальных служб. Добейтесь эффективного использования мощностей, исключите потери воды и тепла — тогда и поднимайте вопрос о повышении тарифов.

Подводя итог, должен отметить, что важнейшая, но чрезвычайно непростая задача, которую нам предстоит еще долгое время решать, состоит в том, чтобы добиться максимально-эффективной трансформации экономического роста в рост социальный. В этом направлении в силу разных причин сделано не так много, чтобы можно было бить в литавры и говорить о каких-то значительных успехах. Только улучшение экономического положения территории в целом может изменить материальную сторону жизни каждого конкретного человека, всей социальной сферы. И хотя мы действительно вступили в новый период экономического развития, только с инициативой каждого из нас нам по силам будет стабилизировать ситуацию в Ленинградской области и качественно изменить уровень жизни.

О ПОДГОТОВКЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 1250-ЛЕТИЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ

В 2003 году исполняется 1250-летие Старой Ладogi Волховского района Ленинградской области, являющейся одним из исторических населенных мест (постановление совместной коллегии Министерства культуры РСФСР № 12 от 19.02.90, коллегии Госстроя РСФСР № 3 от 28.02.90 и президиума совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры № 12 (162) от 16.02.90 «Об утверждении нового Списка исторических населенных мест РСФСР»).

Комплекс памятников археологии, истории, архитектуры и культуры Старой Ладogi, в том числе крепость конца IX века, храмы домонгольской Северной Руси — Успения Пресвятой Богородицы и Святого Георгия и другие сохранившиеся памятники свидетельствуют о том, что в прошлом этот город, связанный в летописях с именем легендарного Рюрика, был одним из центров древнерусской государственности.

На территории Староладожской крепости образован музей-заповедник, обладающий уникальной коллекцией.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 20 февраля 1995 года Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник включен в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения.

В целях подготовки к юбилею Старой Ладogi Губернатором Ленинградской области в сентябре 2001 года было издано распоряжение «О плане подготовки и проведения мероприятий, посвященных 1250-летию Старой Ладogi», которым был образован организационный комитет, возглавляемый лично В. П. Сердюковым, намечены конкретные мероприятия по благоустройству территории населенного пункта, ремонту муниципальных учреждений образования и культуры, предусмотрена издательская деятельность, создание научно-популярного фильма, проведение фольклорных праздников и театральных фестивалей.

В настоящее время совместно с органами местного самоуправления в селе Старая Ладoga уже осуществлен ряд проек-

тов, реализация которых позволила значительно увеличить поток туристов: открыты гостиница и кафе, проведен прием представителей дипломатического корпуса, проводится асфальтирование дорог, идет ремонт информационно-досугово-го центра, ремонт средней и коррекционной школ, прошел первый международный театральный фестиваль «Театральный остров», проведен традиционный праздник «Венок славы Александра Невского».

В 2002 году планируется завершить первоочередные реставрационные работы в церкви Георгия, церкви Успения, домах Шварца и купца Калязина.

Основными задачами Правительства Ленинградской области по подготовке и проведению юбилейных мероприятий являются сохранение и восстановление уникальных исторических памятников, привлечение федеральных и внебюджетных средств на консервационные, реставрационные и археологические работы.

А это, в свою очередь, будет способствовать социально-экономическому развитию территории, развитию туристической деятельности, открытию новых рабочих мест, окажет содействие установлению и развитию межрегионального и международного научного и культурного сотрудничества, возрождению духовности, развитию научно-исследовательской и научно-просветительской работы, воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма и любви к своей Родине.

О ФИЛОКАРТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Одной из основных особенностей краеведения как одного из разделов исторической науки является исключительная практическая значимость выводов и результатов, получаемых в ходе краеведческих исследований. Изучение архивных материалов и свидетельств очевидцев зачастую позволяет не просто установить существовавшую некогда структуру экономики того или иного региона, но и выявить ее специфические особенности, которые могут оказаться полезными и сегодня. В том числе, это весьма актуально и на современном этапе развития России.

Например, рост тарифов на транспорте зачастую требует перехода предприятий на использование местного сырья, и здесь, как нельзя более кстати, оказываются исторические свидетельства того, где конкретно размещали подобные предприятия наши деды и прадеды, где были кирпичные, стекольные, химические заводы... Эта польза понятна и очевидна.

Но сегодня, когда одной из наиболее развитой и высокодоходной отраслью экономики становится туризм, не менее важным является и возможность восстановления полностью или частично утраченных исторических памятников, зданий, сооружений. Даже в тех случаях, когда средств на реставрационные или восстановительные работы не хватает, большой интерес для туристов могут представлять документы и материалы, помогающие лучше понять исторические корни развития и традиции той или иной местности.

И в этом смысле сложно представить более интересный исследовательский материал, чем старинные открытки. Не случайно большинство из выходящих в последнее время публикаций по истории XIX—XX веков иллюстрируется именно фотооткрытками, впервые появившимися в России в начале 1890-х годов, — качество изображений на них существенно выше, чем на любительских фотографиях. Как правило, существует возможность более или менее точно идентифицировать время (год), когда была выпущена открытка, зачастую от-

крытки, именовавшиеся прежде открытыми письмами, содержат в текстовой части важные сведения, дополняющие информацию об изображенном на открытке объекте или событии.

А иногда открытки представляют единственный видеоматериал о не дошедших до нас зданиях, особенностях городской или поместной жизни, канувших в лету обычаях. Не случайно ведь, например, в книге С. С. Шульца «Храмы Санкт-Петербурга» (СПб.: «Глагол», 1994) изображения 27 из 51 храма, не сохранившихся до наших дней, воспроизведены по материалам фотооткрыток начала XX века.

И не случайно в последние годы появилось на свет достаточно большое количество специализированных изданий, посвященных истории отображения различных регионов России на фотооткрытках. Особо в этом ряду следует отметить совершенно уникальную работу С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках» (М.: «Галарт», 1996), а также серийные издания об открытках, выпущенных во Владимирской и Псковской областях.

К сожалению, описанию отражения исторического прошлого Ленинградской области в филокартии внимания практически не уделяется. Единственным примером такой работы является вышедшая в 2001 году небольшая книга А. Л. Толмачева и П. Д. Цуканова «Век Любани» (СПб.: «Лига Плюс»), да и то большее внимание в этом издании уделено деятельности Любанского общества попечения о бедных, издавшем в период с 1903 по 1917 год серию из более чем пятидесяти открыток, чем анализу изображенных на открытках видов (из которых примерно половина относится к Любани и ее окрестностям).

Неужели нет достаточного филокартического материала для более глубоких исследований? Конечно же, материал должен быть. Ведь невозможно предположить, что сто лет назад интерес издателей к столичной губернии был меньше, чем к той же Владимирской. И хотя в состав нынешней Ленинградской области входят земли не только Санкт-Петербургской губернии, но также и территории, входившие ранее в Новгородскую и Олонецкую губернии, а также в состав Финляндии, можно с уверенностью предполагать, что количество выпущенных о нашем крае открыток должно быть достаточно велико.

Дело, однако, заключается в том, что официальная советская историческая наука не признавала филокартию самостоятельной вспомогательной исторической дисциплиной (как, например, нумизматику или сфрагистику), в результате чего у многих научных работников музеев (в том числе, и краеведческих) не было выработано восприятие фотооткрыток как мате-

риала для научных исследований, и, как следствие, музейные работники весьма слабое внимание уделяли привлечению их в свои коллекции. В результате сегодня достаточно неплохие подборки открыток имеют только три музея в Ленинградской области — в Кингисеппе, Тихвине и Тосно.

Вместе с тем, у коллекционеров хранится весьма большое количество достаточно редких и уникальных открыток, которые могли бы стать предметом самого пристального изучения историков-краеведов. Прекрасные коллекции собраны частными коллекционерами из Луги (правда, к сожалению, в ней практически не представлены поселки Лужского района), из Гатчины (дополненная большой подборкой фотографий и исторических документов), из Сиверской (две коллекции). Два жителя Санкт-Петербурга подобрали весьма полные собрания открыток по Карельскому перешейку. Один из них — Е. А. Балашов с успехом использует свою коллекцию для иллюстрации выпускаемой им совместно с Д. И. Шитовым серии книг «Карельский перешеек — земля неизведанная» (в 1998—2002 года в разных издательствах вышло пять частей).

Совершенно очевидно, что собранные фотооткрытки области несут в себе много важной информации о прошлом Ленинградской области, и их изучение сможет привести к интересным открытиям, как это не раз происходило у филокартистов из других регионов. Здесь — и изображения уничтоженных церквей, и виды несуществующих сегодня населенных пунктов, подробная информация об экономической и культурной жизни наших предков. А как много, например, может рассказать и о методах подготовки военнослужащих, и о тактике ведения боевых действий, да и об умении организовать пропаганду и поддержание боевого духа у солдат серия из более чем двухсот открыток, выпущенных в Луге в период с 1913 по 1917 год поручиком В. Грузинцевым?!

В таких исследованиях даже самые маленькие детали могут дать полезный материал для размышления. Например, как и сегодня, сто лет назад выпуск открыток осуществлялся по рыночному принципу — есть спрос, будет предложение. И, наверно, не случайно количество выпущенных открыток с видами Карельского перешейка существенно уступает количеству открыток с видами Луги, Сиверской, Вырицы. Может и не так уж неправы были наши предки (включая членов императорской семьи, министров, банкиров, наиболее зажиточных жителей), выбирая местом отдыха южные пригороды Петербурга, а не северные? Может сегодняшним руководителям этих территорий надо уделять больше внимания именно этому направлению развития экономики?

На эти и многие другие вопросы можно найти ответ, изучая фотооткрытки — старинные свидетельства исторических событий, фактов, жизни и быта. Задача сегодняшнего дня — не растерять этот ценный исторический материал, вовлечь его в орбиту научных исследований, придать филокартии статус самостоятельной вспомогательной исторической дисциплины. Ленинградская область является прекрасным объектом для подобного исследования, и специалисты — историки-краеведы, филокартисты не должны упустить свой шанс и уже к 80-летию области завершить первичное изучение и обобщение филокартического наследия Ямбурга, Присвирья, Лужского уезда — всей территории нашего прекрасного края.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА: ЧЕРЕЗ ПРОШЛОЕ — В БУДУЩЕЕ

Сегодня Ленинградская область является одним из немногих регионов России, где не только полностью сохранены региональные средства массовой информации, но за последние годы появилось немало новых редакций. Районная пресса выжила и прибавила как в количественном, так и в качественном плане. Это — главный результат развития областных СМИ, который обеспечен грамотной поддержкой со стороны властей и неизменно высоким интересом читателей к поднимаемым на страницах местных изданий, в передачах радио и телевидения проблемам.

Районные средства массовой информации создавались как рупор большевистской партии в 1920—1930-е годы. Это была пора коллективизации, и требовалось разъяснить крестьянину необходимость вступления в колхоз, рассказать о перспективах новой жизни. Нужна была доходчивая и простая агитация. Та, которую предлагали центральные и областные издания «за душу» жителей районной глубинки не брала. Временем была востребована идеологическая информация, которая бы агитировала конкретным фактом, близким примером, а не общими директивами. Именно такая направленность стала основной при создании районных газет. Региональная пресса говорила с людьми на их языке. И как не относиться к тому времени, на страницах этих газет имели возможность высказаться все желающие. За это их и полюбили читатели.

Тиражи районных изданий неуклонно росли. Конечно, причиной были и административные методы, используемые при подписке, и централизованная система управления прессой. Но все-таки главное было в том, что региональная печать завоевала искреннюю любовь своих читателей, которую невозможно навязать сверху. Эта привязанность читателей к районной прессе сохраняется и по сегодняшний день, когда нет никакой идеологической нагрузки или подписки по указанию. Люди, читая районную газету, смотря местные новости телевидения, получают ответ на простой и одновременно важный вопрос: «А что тут сегодня пишут или говорят о нас?». Герои

материалов — это знакомые, коллеги по работе. Через интересные, касающиеся конкретного человека публикации, раскрываются серьезные проблемы, поднимаются дискуссии. Это — стиль районной печати, который был и остается основополагающим.

Сегодня в регионе работают около 100 редакций СМИ, 70 из которых имеют в соучредителях представителей органов власти местных администраций и Правительства Ленинградской области. В некоторых районах, таких как Выборгский, Гатчинский, Кингисеппский выходят 2—3 печатных издания. В Киришах создан издательский дом, который печатает не только газету «Киришский факел» и выпускает специализированные издания — «Колибри» (для детей), «Мое поколение» (для подростков) и «Бизнес-инфо» (реклама и информация), но и обеспечивает типографскими услугами половину всех районных газет области, берет коммерческие заказы из Новгородской, Вологодской и других областей. Энергично развиваются электронные СМИ. Если до 90-х годов на местах вообще не было телекомпаний, то сейчас нет такого района, в котором бы не работало местное телевидение. Причем, в некоторых муниципальных образованиях — по две-три телередакции.

Одновременно с укреплением технической базы региональные СМИ развиваются и творчески, сохраняя все лучшее, что было в местной прессе советского времени и овладевая современными журналистскими приемами. Закономерно, что с укреплением позиций районных газет, в Ленинградской области все меньшую роль стали играть центральные издания. Это связано, с одной стороны, с их, порой излишней, очень ярко выраженной политизированностью, нередко — высокомерием по отношению к аудитории, а с другой — неспособностью удовлетворить информационные потребности глубинки. Ее жителям хватает столичных телевизионных новостей, и читать на следующий день про то, о чем они накануне узнали по радио и телевидению, им просто ни к чему.

Другое дело — местные новости, и неудивительно, что тиражи местных газет на порядок выше, чем у центральных изданий. Например, подписчиков у «Сельской нови» в Волосовском районе в десять раз больше, чем у центральной «Сельской жизни» по всей Ленинградской области. «Комсомольская правда» — самая читаемая в области ежедневная столичная газета — имеет подписчиков меньше, чем «Гатчинская правда», которая, в отличие от «Комсомолки», расходуется не по всему региону, а только в своем районе. Суммарный подписной тираж районной прессы в Ленинградской области в 11 раз превышает суммарный подписной тираж центральных газет.

Ну, а о рейтингах местных выпусков телевизионных новостей центральные каналы могут только мечтать.

Районная пресса развивается, потому что основным и главным «строительным материалом» для публикаций и передач остается местная тематика, в которой находится место и человеку труда, и заезжему артисту, и официальным сообщениям, интересным для рядового человека. Подход региональных изданий к информации сегодня достаточно жесткий, и от «больших» газет их отличает авторский стиль. Практически не найти в них перепечаток из Интернета, других газет.

Сильный творческий состав редакций в регионе являлся традиционным, и в области не растеряли опытных и квалифицированных журналистов, редакторов. Не случайно, многие из них награждены Правительством России и имеют областные знаки отличия. Приходят и молодые ребята, при редакциях сохранены школы юных корреспондентов, так что связь между поколениями не прерывается.

Сегодня, оценивая развитие региональных СМИ, можно сказать, что у них хорошие перспективы, и редакции идут к тому, чтобы стать стабильными, экономически сильными предприятиями со своими корпоративными интересами, которые они активно защищают. С этой целью создан Союз средств массовой информации Ленинградской области, представляющий реальную силу при отстаивании позиций СМИ, скажем, на регулярных встречах с Губернатором.

Средства массовой информации Ленинградской области не забывают прошлого, и в то же время находятся на пути в будущее.

КУЛЬТУРА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЗЕМЛИ. ИТОГОВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Сегодня ответить на вопрос «Как поживает культура в Ленинградской области?» намного проще, чем вчера. Потому что не так давно мы думали о сохранении сети культурных учреждений, кадров, лучше сказать, замечательных людей, которые работают в сфере культуры. Были годы экономических потрясений, невыплаты заработной платы, колоссальные долги по коммунальным услугам — этот печальный перечень можно продолжить.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что удалось не только все сохранить, но и приумножить. Этому способствовали многие факторы, в том числе:

— региональные программы 1996—2000 гг., 2001—2005 гг., где четко были определены задачи, приоритеты, цели, механизмы реализации, программы и ресурсное обеспечение;

— теснейшее взаимодействие с руководством муниципальных образований, с которым был проведен анализ состояния сети учреждений культуры на местах и оказана конкретная согласованная помощь.

В Ленинградской области работает более 1,5 тыс. учреждений культуры, имеется более 3,5 тыс. недвижимых памятников истории и культуры.

Проводится большая восстановительная и реставрационная работа в храмах и монастырях. Это отметил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, недавно посетивший Ленинградскую область.

Анализ состояния организации досуга населения свидетельствует о своеобразном «ренессансе» клубной деятельности.

За последние годы на несколько сотен увеличилось количество любительских объединений и самодеятельных коллективов — сегодня их более 4 тысяч и занимаются в них более 80 тысяч человек. Около 300 коллективов носят высокое звание «народный» или «образцовый».

Значительную роль в деле перехода музеев к новым принципам организации своей деятельности сыграло постановление Губернатора «Вопросы музейного дела в Ленинградской

области». Широкое использование возможностей, заложенных в музейном менеджменте и фандрайзинге, позволило областным музеям строить свою работу по-новому.

Реализация программы развития сферы культуры Ленинградской области в значительной степени облегчила решение организационных и финансовых проблем и позволило осуществить ряд поставленных Программой задач несмотря на непростую экономическую ситуацию, сложившуюся в период становления рыночных отношений. В результате была сохранена, в основном, сеть культурно-досуговых учреждений на местах; отреставрирован ряд памятников истории и культуры, находившихся в запущенном или предаварийном состоянии; совместно с Санкт-Петербургской епархией восстановлены и введены в строй православные храмы и церкви.

Комитетом по культуре совместно с органами власти муниципальных образований проведен анализ состояния сети учреждений культуры на местах с учетом действующих нормативов культурно-досугового обслуживания населения.

В последние годы изменена система управления сферой культуры области. Ликвидирован ряд учреждений культуры, ведущих недостаточную работу с населением области, повышен статус Госинспекции по охране и использованию памятников истории и культуры до уровня Департамента Комитета по культуре. Ликвидирован также Областной музейный центр как изжившая себя управленческая надстройка, образован отдел новых музейных технологий в структуре Комитета по культуре. Это позволило привлечь к работе опытных специалистов, дать им достойное социальное обеспечение и, таким образом, сохранить рабочие места для наиболее квалифицированных и грамотных специалистов. Увеличилось количество коллективов, имеющих звание «народные», «образцовый»; сегодня их 300.

В Ленинградской области сохранились традиционные промыслы и ремесла русского севера. Художники-прикладники и мастера в своем творчестве активно используют природный материал, которым богат тот или иной район. Бережное отношение к народным традициям позволяет не только сохранять старинные ремесла и промыслы, но и придавать им современное звучание.

Развитие музеев в период перемен обусловлено их адаптацией к рыночной экономике. Главной задачей анализируемого периода стало широкое использование возможностей, заложенных в музейном менеджменте и фандрайзинге. В качестве примера можно привести получение двух Президентских грантов и одиннадцати — института «Открытое Обще-

ство», которые позволили провести ряд значимых конференций, выставок и т. д. Налаживаются межрегиональные и международные связи по линии сотрудничества с Архангельской, Петрозаводской областями, Ямало-Ненецким национальным округом, музеями Бельгии, Норвегии, Финляндии и Швеции.

На территории Ленинградской области около 500 библиотек, которые обслуживают более 580 тысяч читателей, и число их, как и число книговыдач, за последние годы постоянно увеличивается. Большая работа проводится для привлечения внебюджетных средств. Например, институт «Открытое Общество» выделил 10 грантов.

Опыт работы коллектива детской библиотеки стал предметом внимания и обсуждения на многочисленных Всероссийских и международных семинарах и симпозиумах. В библиотеке сформирована новая система компьютерного обеспечения всех библиотечных процессов, решен вопрос о выходе библиотеки в Интернет с использованием оптоволоконной связи.

Из шести театров области наиболее известен в стране и за рубежом Малый драматический театр под руководством Народного артиста России Льва Додина, получивший в 1998 году почетное звание «Театр Европы»; успешно функционируют драматические театры «На Литейном», сатиры, театр кукол «Святая крепость» в г. Выборге. Театры постоянно расширяют деятельность в области. Укоренилась практика проведения фестивалей в районах области, где одновременно (в короткий отрезок времени — 10—12 дней) показывается большинство спектаклей, идущих на основной сцене. Несмотря на недостаточность финансирования, театры стабильно удерживают количественные показатели своей работы в области. В частности, основная часть новых постановок была осуществлена без дотации областного бюджета — за счет собственных средств театров.

Деятельность работников культуры и искусства области высоко оценена Правительством. За два с половиной года присвоены почетные звания 63 работникам. В области один из самых высоких показателей по России специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Система обучения и переподготовки кадров охватывает работников всех сфер отрасли культуры: библиотек, музеев, детских художественных и музыкальных школ, школ искусств, досуговых учреждений, актеров театров, административных служб и управленческого аппарата. За исследуемый период проведена реструктуризация системы подготовки и переподготовки кадров специалистов культуры, а также методическо-

го обеспечения работы учреждений культуры, объединившей в одно областное учреждение три ранее существовавших. Проводятся выездные занятия в районах области, что позволяет работникам культуры, не имеющим возможности из-за финансовых ограничений посещать областные курсы, получать необходимые знания и навыки. По программам «Библиотеки в меняющемся мире», «Библиотеки Санкт-Петербурга и мира», «Менеджер библиотеки», «Комплектование фондов в условиях рыночной экономики» прошли обучение директора ЦБС, методисты, зав. отделами, главные специалисты, библиотекари городских и сельских библиотек.

В рамках подготовки кадров для сферы культуры Программой предусмотрены меры по профессиональной ориентации молодежи.

В Ленинградской области работает 107 детских музыкальных, детских художественных и детских школ искусств. Положительной тенденцией следует считать перерастание детских музыкальных школ в детские школы искусств, объединение их с художественными школами, открытие новых отделений: театрального, хореографического (Волосово, Тосно, Всеволожск, Луга, Бокситогорск...), джазового (г. Нурма Тосненского района), фольклорного (г. Пикалево). В школах области работает около 2000 специалистов, их образовательный уровень и результативность работы выводят школы на одно из первых мест в Северо-Западном регионе России. Финансовая поддержка одаренных детей школ искусств Ленинградской области осуществлялась через именные стипендии России и области.

Непосредственные контакты руководства комитета с главами МО и мэрами городов ускоряют и оптимизируют решение большинства вопросов социально-культурной деятельности, позволяют опереться на местные социальные программы, находят взаимопонимание и взаимную поддержку. Концентрация средств и усилий на наиболее значимых и актуальных для МО аспектах социально-культурной деятельности, а не «навязывание» теоретически верных, но не первоочередных задач МО, позволяет избежать распыления всех видов ресурсов и сберечь силы специалистов.

При поддержке комитета в 1999 году создано первое в регионе Отделение Союза концертных деятелей России. С Петровской Академии наук и искусств достигнуто соглашение о патронаже над учебными заведениями искусства и учреждениями культуры области. В коллективные члены ПАНИ приняты школа искусств г. Коммунар, Гатчинская ДМШ им. М. М. Ипполитова-Иванова и Дворец культуры г. Пикалево.

Несмотря на ограниченные средства, выделяемые на международные и межнациональные программы, удалось сохранить традиционные связи между Ленинградской областью и губернией Нурланд (Норвегия), штатами Мэриленд и Канзас США, поддерживать контакты с учреждениями культуры Германии, Франции, странами Скандинавии, Китаем. В последнее время наладились контакты с Бельгией. Традиционно устойчивы приграничные связи с губерниями Финляндии. Финансирование этих программ из разных уровней бюджета позволило сделать акцент на развитие побратимских связей и прямых контактов конкретных учреждений культуры в дружественных странах. В прошедший период резко упала интенсивность межнациональных связей со странами СНГ.

В целях пропаганды киноискусства в области ежегодно проводятся Всероссийские кинофестивали «Литература и кино» в г. Гатчина и «Окно в Европу» в г. Выборге.

В условиях политических и экономических потрясений и крайней политической и финансовой нестабильности прошедшего периода отрасль культуры в области сыграла не последнюю роль в снятии социальной напряженности. Положительная оценка Правительством области и населением деятельности учреждений культуры еще раз подтверждает правильность политики, проводимой региональными органами власти совместно с муниципальными образованияами.

Полученные гранты

В музейном деле:

Гранты Института «Открытое Общество»

Конференция «Музейное сообщество: новое партнерство» — Областной музейный центр, 1998 г.;

Выставка «Письмо солдата» — ОМЦ, 1999 г.;

Выставка «Мы так нужны друг другу» — ОМЦ, 1999 г.;

Видеофильм «Серебряное ожерелье» — ОМЦ, 1999 г.;

СВ-ROM «Виртуальная крепость» — ОМЦ, 1999 г.;

Web-сайт «Музеи Ленинградской области» — ОМЦ, 1999 г.;

Презентационно-выставочный центр «Новый Пассаж» — Комитет по культуре Ленинградской области, 1999 г.;

Международная конференция «105 дней Зимней войны» — ГУК «Музейное агентство», 2000 г.;

Акция «Возвращение в Рождество» — ГУК «Музейное агентство», 2000 г.;

Выставка «Цивилизация Волховских порогов» — ГУК «Музейное агентство», 2000 г.;

Конференция по музейной педагогике — ГУК «Музейное агентство», 2000 г.

Президентские гранты

«И не кончается строка» — разработка концепции музея-усадьбы «Рождествено» — ОМЦ, 1998 г.;

«Если ехать вам случится...» — реэкспозиция Музея «Дом станционного зрителя» — ОМЦ, 1998 г.

В библиотечном деле:

Гранты Института «Открытое общество»

Справочник-путеводитель по Ленинградской области «Если ехать вам придется...» — Блюдова Л. К.;

Виртуальная библиотечная ярмарка — Областная универсальная библиотека;

«Земли родной минувшего судьба» — Волховская районная библиотека;

Международная конференция «Детское чтение: феномен и традиция в конце XX столетия» — Областная детская библиотека; («Пушкинский мегапроект: книги для Российских библиотек») — Областная детская библиотека;

Областная детская библиотека;

Персональный грант Стрелковой Е. В. на участие в Международной конференции «Крым-2000» по конкурсу ИОО на поездки (мегапроект «Пушкинская библиотека» — Программа «Автоматизация Российских библиотек»)

Создание музея «Читающий киришанин» — Киришская ЦДБ;

«Создание Центра свободного доступа к ресурсам интернет» — Всеволожская ЦДБ;

Министерства культуры РФ по программе «Культура России»

«Региональный сайт детских библиотек» — Областная детская библиотека

В организации досуга:

Гранты Института «Открытое общество»

Семинар-конкурс «Санкт-Петербург, Ленинградская область — единое культурное пространство» — Областной учебно-методический центр.

**КОМУ ПЕРЕДАТЬ ШТУРВАЛ.
КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТА
КАК ЦЕНТРА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Можно считать не требующим доказательств положение о том, что формирование системы непрерывного образования представляет собой важнейшее условие осуществления всемирной реформы образования. Менее очевидным и нуждающимся в обосновании является тезис о том, что данная система имеет региональную природу.

Ликвидация в начале 90-х годов отраслевой системы управления экономикой не означала распада системы непрерывного образования. Произошло не исчезновение, а переориентация общественного интереса к развитию непрерывного образования. С течением времени он стал приобретать все более четко выраженный региональный характер. В обосновании данного тезиса можно привести следующие положения:

Во-первых, важнейшей исторически сложившейся образовательной традицией является непрерывное самообразование неформализованной социальной группы — интеллектуальной элиты, которая формируется в пределах определенной территории. Эта элита так или иначе задает стандарт образования для многих других социально-профессиональных групп, причем передача этого стандарта осуществляется именно на региональном уровне.

Во-вторых, осознание необходимости постоянного поддержания (по крайней мере, на протяжении нормального периода трудовой деятельности человека) определенного уровня профессиональных знаний работника в той или иной степени происходит именно в пределах региона и во многом определяется местными социально-экономическими условиями.

В-третьих, условия протекания непрерывного образовательного процесса так или иначе формируются на региональном уровне. Величина связанных с этим затрат также отражает региональную специфику.

В-четвертых, именно в пределах региона происходит интеграция образовательных процессов, в которые включены

различные субъекты: образовательные и научные учреждения, предприятия, общественные организации и фонды, профессиональные объединения и т. д.

Наконец, процесс приращения знания в сфере культуры также характеризуется существенными национально-территориальными особенностями. При этом он протекает не менее интенсивно, чем в научно-технической сфере. Зависимость между развитием гуманитарного знания и изменениями в трудовой деятельности не столь очевидна. Вместе с тем, многие глобальные ошибки в экономической и социальной политике России (в том числе и на региональном уровне) во многом обусловлены неполным усвоением гуманитарных знаний, отражающих систему социально-культурных ценностей территории.

Таким образом, с одной стороны, потребность в непрерывном образовании входит в систему объективно существующих региональных целей, а с другой стороны, представляет собой необходимое условие жизнедеятельности территории, ее интеграции в национальное и мировое сообщество. Естественно, что существуют и глобальные факторы, обуславливающие процесс непрерывного образования. Однако и механизм их воздействия, и соответствующие образовательные технологии формируются именно на региональном уровне. Региональный уровень системы непрерывного образования охватывает и индивидуальные, и профессиональные, и отраслевые интересы.

Индивидуальный и профессиональный уровень соотносится с концепцией человеческого капитала. Она ориентирована на оценку экономической результативности инвестиций, осуществляемых индивидами и социально-профессиональными группами. Отраслевой (производственный) уровень опирается также на теорию организационного капитала. Развитие последнего ориентировано прежде всего на приумножение нематериальных активов предприятия.

Региональному «измерению» системы непрерывного образования соответствует концепция социального капитала. В первом приближении приращение социального капитала характеризует отдачу от вложений в образование, обусловленную не приростом индивидуальных доходов (как это имеет место в теории человеческого капитала), а новым качеством деятельности целых социальных групп, рассматриваемых с учетом совокупности их внешних и внутренних связей. Для оценки социального капитала решающее значение имеет учет региональных условий и, прежде всего, сложившегося там инвестиционного климата, особенностей инновационного процесса, параметров типичных моделей карьеры и иных форм

мобильности рабочей силы. Университетское образование является основой активизации всех этих процессов в направлении, способствующем приращению социального капитала.

В свете высказанных идей нетрудно обозначить контуры региональной системы непрерывного образования как социального института подготовки кадров и всесторонне развитого духовного и высоконравственного человека, способного к жизни не только в условиях устойчивого общественного развития, но и обладающего качествами, необходимыми для поддержания этой устойчивости.

Непрерывное образование на современном этапе общественного развития целесообразно рассматривать как базовый компонент социально-экономической системы государства в целом. Качество подготовки, организация жизнедеятельности, социальная защищенность обучающихся и выпускников учебных заведений — основа устойчивости социального развития любого муниципального образования области, государства. В то же время образование должно быть сориентировано на максимальное раскрытие творческих возможностей личности и личностных, в первую очередь, духовно-нравственных качеств будущего профессионала, способного обеспечить не только реализацию высоких технологий, но и устойчивое развитие социальной сферы в условиях природной среды.

Региональная программа развития образования Ленинградской области строится с учетом педагогических возможностей, ее научных, кадровых, организационных ресурсов. Ее выполнение осуществляется в русле региональной социально-культурной политики с учетом сложившихся демографических тенденций на основе взаимодействия различных ведомств, образовательных и общественных организаций, органов государственного управления.

В настоящее время в регионе уже произошел переход от унитарной к вариативной системе образования. В результате этого обеспечена возможность выбора для всех участников образовательного процесса (учащиеся, родители и педагоги), обусловленного появлением разных типов и видов образовательных учреждений, многообразием учебных программ, созданием базисного регионального учебного плана, стандартов регионального компонента.

Система образования была переведена в режим развития. Составляющими этого процесса стали:

— развертывание инновационной деятельности и опытно-экспериментальной работы в организациях, а также развитие партнерских отношений;

— формирование областной системы среднего специального, высшего и послевузовского образования, ее ориентация на решение социально-экономических проблем области, развитие горизонтального или сетевого взаимодействия на муниципальном уровне, переход на новый перечень профессий и новые государственные образовательные стандарты в начальном профессиональном образовании.

Охарактеризуем в общих чертах стратегию развития системы образования области. Основными составляющими стратегии являются:

— обеспечение реальных гарантий прав граждан не только на получение образования высокого качества всех уровней и ступеней (что, безусловно, необходимо), но и на поддержание и развитие имеющегося у них образовательного уровня;

— обеспечение соответствующего уровня содержания образования, его организационных форм и применяемых педагогических методов и образовательных технологий;

— достижение необходимых условий получения образования с учетом быстрого изменения структуры и содержания образовательного процесса и возрастания значимости его нетрадиционных форм;

— формирование новой социокультурной технологии, органически соединяющей традиции региона и глобальные информационные ресурсы;

— возрастание степени социально-профессиональной (а в ряде случаев и территориальной) мобильности человеческих ресурсов, обеспечивающей сохранение и приумножение инвестиций в человеческий капитал;

— минимизация целого ряда негативных социальных процессов (деквалификация, вредные привычки, преступность и т. п.) за счет расширения возможностей вертикальной мобильности, во многом предопределяемой повышением образовательного уровня;

— совершенствование системы трудоустройства, прежде всего путем создания принципиально новых механизмов перехода от образовательной к трудовой деятельности, а также поддержки молодых специалистов;

— обеспечение демократического механизма принятия решений на основе поддерживаемой системой непрерывного образования информированности членов общества.

В основу региональной образовательной политики, обеспечивающей реализацию **принципов** непрерывного образования, следует положить следующие требования:

— повышение заложенных в Федеральном законе об образовании и других нормативных актах требований, причем их

уровень не должен оставаться неизменным в течение всего периода их действия;

— формирование стандартов, характеризующих не только устойчивый уровень требований к результативности функционирования образовательной системы, но и параметры включенности обучающихся и выпускников в непрерывный образовательный процесс;

— периодическая корректировка образовательной политики с учетом последовательного перехода региона на новые этапы экономического и социального развития;

— развитие сети образовательных учреждений, обеспечивающих реализацию принципов непрерывного образования;

— создание стимулов, обеспечивающих должную степень включенности в непрерывный образовательный процесс;

— обеспечение необходимой степени конкуренции образовательных учреждений, которая обеспечивает многовариантность образовательного процесса (как с точки зрения времени подготовки, так и с точки зрения форм обучения) и учет индивидуальных потребностей лиц, получающих образование, с учетом объективно складывающейся территориальной системы их размещения;

— облегчение связи сфер науки, образования и предпринимательства, прежде всего в пределах сформировавшихся на региональном уровне территориально-производственных комплексов;

— организация материально-технической и организационной базы, обеспечивающей не только текущие образовательные потребности, но и возможность постоянного повышения образовательного уровня;

— развитие дополнительных образовательных услуг с учетом региональных условий;

— оказание необходимой психолого-педагогической помощи в процессе самообразования;

— разработка и развитие информационных образовательных технологий, соответствующих принципам непрерывного образования;

— изменение критериев качества образовательного процесса и соответствующей ему системы контроля в направлении отражения в них характеристик непрерывности;

— трансформация условий использования потенциала работников сферы образования с целью их активного включения в непрерывный образовательный процесс;

— формирование системы анализа потребностей региональной экономики не только с позиций текущего спроса (вакансии), но и перспективных потребностей с учетом тенденций развития экономики и трансформации структуры рынка труда;

— создание действенного механизма поддержки инновационной деятельности, позволяющего интегрировать производственные и образовательные процессы.

Важнейшим условием осуществления всех этих требований является разработка и внедрение комплексной технологии получения и оценки результатов образовательной деятельности учреждений и организаций. Она должна включать в себя как диагностику учебных достижений обучающихся, так и мониторинг их достижений в различных сферах деятельности.

Деятельность по развитию системы непрерывного образования в Ленинградской области должна соответствовать состоянию и тенденциям развития системы образования С.-Петербурга. Только в этом случае она может быть конкурентна. Дополнительными факторами роста степени конкурентоспособности является более тесная связь образовательных учреждений области с предприятиями, органами власти и общественными организациями.

Роль ЛГОУ им. А. С. Пушкина заключается прежде всего в формировании единого регионального информационного и образовательного пространства, интеграции муниципальных образовательных систем в единое информационно-образовательное пространство. Она может быть реализована при обеспечении информационной ориентации образования, обеспечивающей подготовку обучающихся к адекватному восприятию новых реалий информационного общества. В соответствии с выделенными требованиями можно предложить систему деятельности, основными направлениями которой являются:

1. Усиление определенности спроса и предложения образовательных услуг в системе непрерывного образования. Эта система — не дикий рынок, большое значение имеет репутация, устойчивость связей, сочетающиеся, однако, с процессом непрерывного поиска различных вариантов обучения и многомерной оценкой ситуаций.

2. Формирование системы связи непрерывного образования с моделью развития экономики. Это не означает, конечно, что система образования должна быть «служанкой» текущих и тем более ситуативных потребностей экономики. Не менее важное значение имеет их применение с целью ускорения процесса регионального развития, которое соотносится как с новыми процессами в сфере образования, так и с новыми процессами в региональной экономике.

3. Обеспечение включения лиц, получающих первоначальное (а особенно — последующее) профессиональное образование, в систему социальных связей. Для усиления данной тенденции необходимо в большей мере институциона-

лизировать контакты между студентами, в том числе после завершения ими курса базового образования. Этой же цели должно способствовать получение дополнительного образования, дающего возможность выхода в смежные дисциплины. Можно высказать предположение, что при соответствующем управлении может быть сформирован важный сегмент рынка, в пределах которого будет доминировать система негосударственного образования.

4. В системе образования должен быть сформирован полигон для отработки новых оригинальных или экспериментальных образовательно-профессиональных программ, которые после апробации могут быть предложены для включения в общегосударственный классификатор направлений и специализаций подготовки кадров.

5. Необходимо развитие схемы информационных потоков с учетом не только степени структурирования информации, но и воздействий внешней среды (являющейся также важнейшим источником информации). Информационные источники являются более важным элементом системы непрерывного образования, нежели традиционного.

6. Формирование системы оценок результативности непрерывного образовательного процесса. Существующие методы оценки результативности не применимы к непрерывному образованию. Существует проблема принципиальной неоднородности оценок. Неоднородность оценки повышает устойчивость региональной системы непрерывного образования, включающей в себя образовательные учреждения, хозяйственные организации и профессиональные объединения. Качество непрерывного образования должно быть более тесно связано с характеристиками производства и труда, однако, каков характер этой связи до конца неясно.

Таким образом, формирование региональной системы непрерывного образования представляет собой сложный процесс, который, вне всякого сомнения, имеет региональное измерение. Его нельзя сводить, как это нередко делается, к условиям развития, степени сформированности соответствующей инфраструктуры, объемам финансирования, величине потребностей и т. п. Это длительный, противоречивый, неоднозначно оцениваемый процесс, который, однако, в конечном счете всегда приводит к повышению образовательного уровня всех его участников. Для него характерна длительность и постепенность. Поэтому представляется возможным рассматривать процесс диффузии знаний как составную часть непрерывного образования.

Протекание процесса диффузии знаний зависит от пространственного расположения организаций, осуществляющих их производство и использование. При близком территориальном расположении производящих и использующих знания организаций они не только уменьшают издержки своего взаимодействия, но и ускоряют процесс диффузии знаний. Следствием этого является повышение интенсивности непрерывного образовательного процесса.

Естественно, что диффузия знаний может происходить и между индивидами (организациями), находящимися в удаленных друг от друга регионах (чему в немалой степени способствуют современные средства коммуникации). Однако при этом из процесса практически неизбежно исключаются слабоформализованные знания, значимость которых для ряда направлений деятельности является исключительно высокой.

Важным следствием этого процесса является расширение спектра участников системы непрерывного образования. Она во все большей степени охватывает не только собственно образовательные учреждения и соответствующие подразделения предприятий, но и организации и предприятия, на первый взгляд, никак не связанные с образовательным процессом, но тем не менее принимающими активное участие в производстве и распространении знаний (речь идет, в первую очередь, о научных организациях и инновационных подразделениях). Таким образом, имеет место включение других сфер в построение системы непрерывного образования.

Конечным результатом построения системы непрерывного образования является изменение характера взаимодействия субъектов регионального комплекса. Их связи в большей мере становятся отношениями сотрудничества, что позволяет, во-первых, сформировать положительный образ региона (это имеет немаловажное значение для потенциальных инвесторов), а во-вторых, осуществить в ряде случаев создание, развитие и поддержку сети, при помощи которой включенные в неформальные связи предприятия смогут активно создавать и продвигать на рынок новые товары и услуги.

ЗАМЕТКИ О ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Театральная культура является едва ли не самой главной составляющей культурного развития Ленинградской области в целом. Это вовсе не умаляет важности и значимости деятельности библиотек, Домов культуры, музыкальных учреждений и пр., однако именно театр на сегодня оказался хранителем не только классических культурных традиций России, но и носителем тех базовых нравственных ценностей, которые зачастую разрушает телевидение и массовый шоу-бизнес. В сущности, я могу утверждать, что если какая-то из областей культуры не формально, но по существу занимается пропагандой важнейших институтов человеческой жизни — то есть прекрасного, доброго, вечного — то это именно театр, ежедневно вступающий в прямой и неангажированный контакт с публикой, с конкретными людьми всех возрастов и состояний, которые заполняют зрительный зал. И быть может именно потому на театр сегодня обществом опять-таки не формально возложена ответственность за воспитание человеческой души, о которой ныне мало кто заботится.

Однако театр — один из самых хрупких и незащищенных художественных организмов, требующих, в свою очередь, заботы и попечения. Особенно это касается областного театра, положение которого по сравнению с городским невыгодно и попросту двусмысленно. Я бы не стал сегодня рассказывать о проблемах областного театра, если бы считал положение безнадежным. В этом случае бросается клич: «спасайся кто как может, выживай сильнейший!» Но одной из первых акций Губернатора Ленинградской области стала помощь именно культуре, и это дает основание надеяться на то, что проблемы культуры всерьез волнуют руководство области. Ведь раньше всех постановление о повышении заработной платы работникам бюджетной сферы было применено в Ленинградской области именно к деятелям культуры.

Нередко приходится слышать полуиронический вопрос: а почему областные театры территориально располагаются не в городах области, а в Санкт-Петербурге?

В самом деле удивительно. Никому не приходит в голову задать подобный вопрос государственной областной больнице или, например, правительству области. Всем понятно, что местоположение того же правительства в г. Пикалево или даже в таком крупном центре, как Выборг, создаст массу дополнительных сложностей в работе правительства и причинит огромные неудобства и проблемы подведомственным организациям. Почему-то на театр эти критерии не распространяются. А ведь именно базовые стационары областных театров на территории города создают этим театрам заслуженную славу. Именно благодаря этому публика, которую эти театры обслуживают в области, не чувствует себя ущемленной, видя, что к ней на места для культурного обслуживания выезжают лучшие театры региона.

Однако повторяю, реальное положение областных театров в городе незавидно. Городские власти, разумеется, не интересуют «невидимые слезы» областных театров, права которых по сравнению с городскими явно ущемлены. Это — результат отсутствия законодательной базы существования областных театров. И первая проблема, с которой нам всем приходится сталкиваться, — это проблема отсутствия защищенных статей финансирования (за исключением заработной платы). В сущности, ежегодно представляя смету необходимых расходов в правительство, каждый областной театр так до конца и не знает, какую часть этих необходимых затрат он получит и получит ли вообще. Дело не только в том, что эти затраты не покрываются (так или иначе театры все равно выживают), а прежде всего в том, что никогда нет уверенности не только в завтрашнем, но часто и в сегодняшнем дне. Ибо, по реально существующему положению вещей, выходит, что театр, получая и выплачивая сотрудникам заработную плату, может позволить себе прекратить свою профессиональную деятельность — то есть постановку и выпуск новых спектаклей, а заниматься только прокатом старого репертуара до полного износа. Ведь планировать новые постановки в таких обстоятельствах — чистое безумие. Слава Богу, театрами как раз безумцы и руководят. А ведь если бы наша деятельность финансировалась хотя бы на уровне того, что указано в положении Правительства РФ о принципах финансирования государственных и муниципальных театров в России, жизнь каждого из нас стала бы намного легче, а деятельность — плодотворнее.

Городскому театру гарантировано погашение затрат на аренду помещений и оплату коммунальных услуг. Эти статьи расходов защищены муниципалитетом. Областные театры опять-таки вынуждены выкручиваться кто как может. Ну, ска-

жем, наш театр снял с областного бюджета бремя выплат по аренде помещений (решение проблемы было найдено исключительно на основе личных отношений, как, впрочем, и во всем). Но свет, вода и пр.? Каждый раз все это становится почти неразрешимой проблемой. А ведь городские власти в нужный момент никогда не забывают упомянуть о победах областных театров, когда речь заходит о достижениях города в культуре. И упоминание наших наград и премий входит в общий «джентльменский набор» Петербурга как культурной столицы! Однако, козыряя нашими заслугами, городские структуры не считают нас объектом своего интереса, когда дело доходит до реальной помощи.

Уже много лет как с городских театров снят план по обслуживанию зрителей в Ленинградской области. Однако само это обслуживание не сократилось, поскольку именно областные театры распределили между собой работу на выездах в область. При этом никто не вспоминает о том, что эта деятельность для областных театров абсолютно затратна и никаких прибылей не приносит. Но дотаций на эту деятельность областные театры тоже не имеют. А ведь чтобы полноценно обслуживать областного зрителя, одному только нашему театру¹ приходится брать на себя содержание и использование целого транспортного парка. Необходимо иметь, содержать и обслуживать два комплекта звуковой и световой аппаратуры. Все это дополнительные накладные расходы, но их никто не принимает во внимание. А ведь любой из директоров областных театров может сказать чего стоит театру каждый из десятков выездных спектаклей. Несмотря на непростое финансовое положение, наш театр выезжал в область в 1999 году 77 раз, обслужив 11 тысяч зрителей не только в райцентрах Всеволожск, Луга, Кингисепп, Выборг, Гатчина, Волосово, Пикалево и т. д., но и в отдаленных деревнях в этих районах. Люди, зачастую не имеющие средств, чтобы выехать в город на спектакли, не должны лишаться возможности смотреть спектакли областных театров. Особенно это касается детей. Мы сыграли на выездах 36 взрослых спектаклей и 41 детский. Это кажется нам особенно важным. Но, честно говоря, хотелось, чтобы важным это считали и областные законодатели, поддержав областные театры в их непростой деятельности.

Вообще для многих из нас уравнивание нашего материального положения с положением в городских театрах — вопрос жизни и смерти. Труппы нужно пополнять, но пригласить специалиста или актера из другого города — вещь почти невоз-

¹ Санкт-Петербургский государственный театр сатиры на Васильевском.

можная: она обязательно упирается в жилье, которого областным театрам практически не выделяют. Нам необходимо втрое больше рекламы (с учетом объема региональной работы) и возможность содержания значительно большего штата уполномоченных по вполне понятным причинам. Нам, наконец, необходимо целевое выделение времени телевизионного вещания на областном канале — хотя бы раз в неделю, хотя бы 20 минут, чтобы создать специальную телепрограмму, целиком посвященную культуре и театру области, не только для рекламы, но и просто с информационными задачами, поскольку у областных театров почти нет возможностей широкой пропаганды своей деятельности (особенно если учесть, что областное радио «Гардарика» в последнее время всякую информацию о культуре и театрах области воспринимает как рекламу и за любое упоминание в эфире требует платы!).

Однако, несмотря на все вышеизложенное — то есть на все проблемы и всю дискриминацию — наш театр сумел заработать в минувшем году не менее 25 процентов от бюджетного финансирования, что позволило театру с 1 января 2000 года работать без кредиторской и дебиторской задолженности. Это цифра огромная даже для городского театра.

Я считаю, что у области есть все основания гордиться своими театрами. Каждый из нас — это и в самом деле громкое имя, замечательные спектакли, прославленные актеры, выдающиеся режиссеры. Мы все имеем право на ту степень внимания к нашим нуждам и проблемам, какой заслуживают реальные общественно значимые успехи областных театров.

И, наконец, я полагаю, что правительство области (как одного из самых мощных и престижных регионов России) в целях развития театрального дела в России может учредить ежегодный театральный фестиваль, который позволит поднять престиж нашей культуры и Ленинградской области еще выше.

Уважаемый Валерий Павлович! ²

От имени всех областных театров прошу Правительство Ленинградской области премировать работников областных театров за выдающиеся достижения в области театрального искусства. Разработку положения о премии Губернатора можно поручить руководителям областных театров.

Еще одно пожелание: необходима поддержка гастрольной деятельности (включая выезды на фестивали) областных театров и приема нашими театрами коллективов, приезжающих на гастроли. Это направление работы не только создает возмож-

² Валерий Павлович Сердюков — Губернатор Ленинградской области.

ность сотрудничества с зарубежными театрами и фестивалями, оно приносит известность (в иногда — и престижные призы) нашим коллективам. В свою очередь, мы готовы расширить сотрудничество с областными организациями. Мы проводим (и готовы проводить еще чаще, активнее) творческие встречи, концерты, благотворительные спектакли — такие акции, которые одинаково интересны как принимающей, так и выступающей сторонам.

Наш театр неоднократно выезжал на гастроли и фестивали за рубеж, и я хочу принести Вам благодарность за оказанную нам в этом отношении поддержку. В этом году мы подписали соглашение с Авиньонским фестивалем о нашем участии в этом, можно сказать, самом представительном театральном форуме. Ежегодно Авиньон собирает лучшие, интереснейшие спектакли мира и по праву считается престижной театральной Меккой. И не случайно директор Авиньонского фестиваля Ален Леонар выражает Вам благодарность за создание возможности нашего участия в фестивале и приглашает Вас посетить Авиньон в 2003 году вместе с другими приглашенными губернаторами России.

1250-ЛЕТИЕ СТАРОЙ ЛАДОГИ

В истории России Старой Ладоге (до 1704 г. город Ладога) принадлежит основополагающая роль в создании русской государственности, развитии международных связей и сотрудничества народов Европы и Азии, в защите северных границ Руси.

Ладога основана в 753 г. Эта рекордная по давности для древнерусских городов дата создания города установлена археологией и доказана результатами дендрохронологического анализа, осуществленного в лаборатории дендрохронологии Института археологии РАН (Москва).

Сооружение города в низовьях р. Волхов воплотило «балтийскую идею» славян, выразившуюся в их вековом стремлении к морским путям Балтийского моря, беспрепятственной, свободной торговле и судоходству. С момента своего возникновения Ладога, по ее ключевому местоположению, являлась центром, где соединялись западные и восточные великие торговые пути Балто-Волжский и Балто-Днепровский. Здесь произошла историческая встреча людей Запада и Востока. Обмен товарами, техническими и другими достижениями поднялся до мировой необходимости, что оказало стимулирующее влияние на развитие всей европейской цивилизации.

Имеются исторические данные считать Ладогу во второй половине VIII—первой половине IX в. одним из центров, если не главным, союза славянских и финских племен — предшественника раннего Русского государства.

Возможно, что уже до 839 г. Ладога была центром русского каганата — раннегосударственного образования в северной части Восточной Европы. В тот период Ладожская Русь наряду с Хазарией выдвинулась как торговый лидер евразийских экономических связей по Великому Волжскому пути.

Согласно наиболее достоверной версии летописного «Сказания о призвании варягов», федерация славянских и финских племен в составе: словен, кривичей, мери, веси и чуди в 862 г. пригласила к себе в качестве правителя знатного скандинава Рюрика с братьями. «Придоша к словенам первое и срубиша город Ладогу и седе старейший в Ладозе Рюрик» (Полное со-

брание русских летописей. Т. 2, М., 1962, столб. 13—15). Именно Ладога, а к тому времени она существовала уже не менее 100 лет, стала резиденцией правителя, стольным княжеским городом, то есть столицей, складывающейся в Восточной Европе державы Рюриковичей. В дальнейшем столица была перенесена в Новгород, затем в Киев. В этом ряду Ладога, следовательно, оказалась первой.

Статус главного города северной части Руси, какой стала Ладога во время княжения Рюрика, выразился в том, что здесь был принят «ряд», то есть договор о легитимности призвания и дальнейшей деятельности нового властителя. В Ладоге, судя по летописным данным, получили в свое владение города Белоозеро и Изборск братья Рюрика. Этот город выдвинулся как административный, военный и экономический центр Северной Руси. Новое правительство предприняло энергичные действия по расширению международной торговли. Через Ладогу хлынул на Запад основной поток исламских серебряных монет и других ценностей. Тогда узаконились дальние торговые перевозки со странами Запада и Востока и была налажена дорожная транспортировка международных грузов. Этому способствовали мирные отношения, установленные новой властью в северной части Восточной Европы. Построенная во второй половине IX в. Ладожская крепость явилась препятствием экспансии викингов в славянские пределы. Их разбойничьи походы надолго приостановились. Таким образом, в Ладоге началось успешное строительство нового русского государства, вскоре ставшего крупнейшей и могущественнейшей империей в Европе.

В Ладоге того времени жили и работали представители разных народов, в первую очередь, славяне, финны, скандинавы, установился прочный межэтнический и межконфессиональный мир, основанный на межобщинной терпимости, свободе предпринимательства, открытости региональной и международной торговли. Все это актуально и в наши дни.

На примере Ладоги мы видим, как более 1000 лет тому назад усилиями ее жителей и посещавших эти места пришельцев создавалась интегрированная Европа без охраняемых границ и национальных предрассудков, во многом с интернациональной техникой и культурой, общими путями передвижения и единой валютой. Эта модель развития общества поучительна и ныне.

Вплоть до начала XVIII в. Ладога являлась городом-портом, торговым, ремесленным, духовным центром и важной крепостью на северных рубежах страны. По своим функциям город

в низовьях Волхова был самым первым, выдающимся предшественником Санкт-Петербурга.

Историко-культурное наследие Ладоги охватывает фундаментальные ценности русской и международной истории и культуры и представлено 160 памятниками археологии, истории, архитектуры и искусства, а также свидетельствами разнообразных письменных и графических источников. Здесь сохранились планировка, восходящая к X—XII вв., и исторический природный ландшафт. По наличию культурного слоя VIII—X вв. с хорошо сохранившимися остатками построек и международными по происхождению находками Ладога среди древнерусских городов занимает одно из первых мест. Не случайно в 1984 г. здесь по правительственному решению организован музей-заповедник, имеющий статус федерального учреждения.

С 1972 г. в Старой Ладоге с помощью студентов и преподавателей Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина и других вузов работает археологическая экспедиция ИИМК РАН (под руководством пишущего эти строки). Отряды этой экспедиции возглавляли Е. А. Рябинин, В. П. Петренко, Е. Н. Носов, В. А. Назаренко, в последнее время О. И. Богуславский, П. Е. Сорокин, В. И. Кильдюшевский. Обнаруженные экспедицией материалы позволили по-новому представить и оценить историко-археологическое наследие Ладоги, ее региона, ее значения в судьбах Руси и — шире — соседних стран. Здесь подведем некоторые итоги проведенных изысканий. Они проводятся не только на так называемом «Земляном городище» (земляные укрепления которого устроены в 80 гг. XVI в. и скрывают слои ладожского посада VIII—XVI вв.), но и в других частях древнего города.

Дендродатированы строительные горизонты древнего поселения (от 6 до 11 на разных раскопах) в рамках VIII—X вв., при этом впервые выяснена рекордная по точности (да и давности) для древнерусских городов дата основания Ладоги, как упоминалось, не позже 753 г.

Археологически обнаружено около ста остатков жилых, производственных и хозяйственных построек, что позволило по-новому представить домостроительство, включавшее возведение изб, домов-пятистенки, особых «общественных», возможно, «гостевых», культовых и других сооружений. В ряде построек, выявленных на «Земляном городище», устройчице встречались куски янтаря, неоконченные обработкой бусы, капли стекла, тигли, льячки, формочки, пиленая кость, некоторые ремесленные инструменты. Очевидно, что в этих постройках, обычно жилищах, работали ремесленники-универсалы, изготовлявшие янтарные, бронзовые, стеклянные, иногда костя-

ные изделия. Особое значение имеет древнейшая в ранне-средневековой Европе ювелирно-слесарная и литейная мастерская 750 годов с набором не менее чем 25 инструментов, открытая сотрудником экспедиции, доктором исторических наук Е. А. Рябининым. В ходе раскопок 1997 г. экспедиция впервые обнаружила остатки бронзолитейной мастерской последней четверти IX в. с редчайшими высокохудожественными украшениями (готовыми и незавершенными) скандинавского облика, относящимися к женскому и мужскому костюму. Также впервые в слое второй половины IX в. выявлены жилые и производственные, стандартные по ширине, парцеллы, что позволило по-новому представить начало регулярно спланированной застройки европейских городов.

Во время раскопок обнаружены сотни предметов из глины, железа, бронзы, стекла, кости, янтаря, камня, дерева, кожи. Среди них выделяются уникальные художественно отделанные вещи, а также свинцовые печати. Составлена шкала эволюции городской посуды, после 900 года испытавшей все более отчетливое внедрение гончарного круга. Проведена специальная работа по каталогизации найденных в разные годы в Старой Ладогe и ее окрестностях арабских и других монет. Восточное монетное серебро появилось в Ладогe не позднее 50—60-х годов VIII в. Именно город в низовьях Волхова явился одним из первых центров русской равнины, где диргеми зафиксированы сразу же как только началось их распространение в Восточной и Северной Европе.

Ведется камеральное изучение отдельных категорий находок (бусы, керамика, деревянные изделия, оружие, принадлежности корабельного дела, украшения костюма) и этническая сортировка находок. Намечены серии скандинавских, славянских, финских и других по происхождению форм. Особое внимание обращено на этноопределяющие принадлежности женского головного убора, что позволило опознать не только вещи кривичей, но и, возможно, словен.

Обнаружены этапные сооружения древнерусской каменной и дерево-земляной фортификации: укрепления конца IX—начала X в., претендующие быть первыми каменными на Руси, крепость 1113/1114 гг., местами сохранившаяся на почти полную высоту (не менее 8,5 м). Эта последняя предвосхитила распространение каменных твердынь на Руси, начавшееся, в основном, столетием позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала безопасность горожан и защиту северных рубежей страны. В XVI в. на месте крепости 1113/1114 гг. возводится новая, приспособленная к огнестрельному бою. В ее устройстве, как удалось установить, проявились передовые черты итальян-

ской оборонительной архитектуры эпохи Возрождения, выразившиеся, например, в практической равновеликости по высоте стен и башен. К каменной крепости с юга примыкает упоминавшееся выше «Земляное городище». Это сооружение с помощью данных Разрядных книг и натуральных исследований было впервые опознано и датировано в качестве бастионной фортификации, возведенной в 1584—1585 гг. Ныне трудами экспедиции в Старой Ладогe четко атрибутирован, частью впервые выявленный, своеобразный музей фортификаций, каждая из которых является архитектурно и инженерно этапной. Отрезок стены 1113/1114 гг. и принадлежавшую этой же преграде торговую и водонаборную арку удалось оперативно законсервировать для музейного показа.

С помощью раскопок, шурфовки и письменных источников определено примерное распространение средневекового культурного слоя и выяснена площадь поселения, которое в VIII—X вв. достигло 12 га, а в XVI в. 16—18 га. Усилиями разных ученых составлена карта не менее 160 памятников ладожской археологии, архитектуры и градостроительства. Выяснено, как складывалась территория города и окружающих его могильников. В 1153—1170 гг. (или несколько позже) в Ладогe, видимо, по единому замыслу были последовательно построены сразу шесть каменных храмов (что для тогдашних древнерусских городов было беспрецедентным), располагавшихся в определенной градообразующей системе. Типологически и конструктивно их признают нововведением в русской архитектуре середины XII в. Возможно, что заказчиками большинства из этих зданий была посадская элита, а не обязательно князья или церковные иерархи.

Соотнесенные с местностью показания Писцовых книг конца XV—XVI вв. позволили определить поселенческую топографию ладожского посада, расположение дворов и дорог. Впервые реконструирован план средневекового города с его районами — концами и монументальными сооружениями. Уточнены местонахождение и наименования некоторых несохранившихся церквей.

Трудами сотрудника экспедиции В. П. Петренко в Старой Ладогe было раскопано 12 сопок — коллективных усыпальниц первых поколений горожан. Многозначные результаты этого, ныне опубликованного, исследования позволили археологам утверждать, что погребальные сооружения данного типа были первоначально опробованы в Нижнем Поволховье, а затем распространились на значительные территории славянского заселения.

Выдвинуто положение о существовании особой Ладожской земли — предшественницы Новгородской. Ядром этой земли была городовая волость, протянувшаяся примерно на 65 км вдоль нижнего течения Волхова, включавшая многорядные Гостинопольские и Пчевские пороги, обслуживающие их укрепленные станции и приречные сельские поселения. На расстоянии дневного перехода (43—50 км) на востоке, юге и западе от Ладоги располагались укрепленные форпосты, прикрывающие дальние подступы к этому городу. Далее тянулись обширные земли, занятые финским и лопарским населением, находящимся по отношению к метрополии в даннической зависимости. В соответствии с местоположением, структурой и устройством Ладоги ее экономика была ориентирована на внешние связи, транспортировку грузов, посредническую и местную торговлю, выработку находивших сбыт ювелирных и некоторых бытовых вещей.

Ближайшие к Старой Ладоге городища у деревни Новые Дубовики и в устье речки Любша по своей культуре, что закономерно, оказались синхронными Ладоге, которая была для них городом-метрополией. Археологическая экспедиция под руководством Е. А. Рябина обнаружил на городище «Любша» едва ли не самую древнюю каменно-земляную крепость Руси, созданную, по-видимому, в IX в. Аналогичные сооружения, имевшие каменный панцирь, изнутри присыпанный землей, известны у западных славян.

На примере Ладоги археология и летопись поразительно подтвердили и дополнили друг друга. Материализованы следы присутствия в этом городе словен, кривичей, финских племен, скандинавов. Обозначились даже подтверждения датского происхождения Рюрика и его дружины (парцеллы жилого и хозяйственного назначения такие же, как в датском городе Рибе, норманский курган в урочище «Плакун», по устройству напоминающий погребения Ютландии). Летописное сообщение о заложении князем Олегом Вещим в 882 г. крепостей сопоставляется с упомянутым выше первым каменным укреплением, обнаруженным на мысу, омываемом Волховом и Ладогой. Ладожская археология подтвердила реальные основы летописного «Сказания о призвании варягов», а также сообщения Иоакимовской летописи о существовании на севере Руси доваряжского «великого города», который можно с большой долей вероятности идентифицировать с Ладогой.

Деятельность Староладожской археологической экспедиции никогда не ограничивалась академическими рамками. После 10-летних стараний экспедиции и Ленинградского областного отделения ВООПИК в 1984 г. было принято правительст-

венное решение о создании Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Это предотвратило разрушение ряда исторических объектов, включая и культурный слой древнего города. Под особую охрану взята территория села размером около 190 га с находящимися здесь памятниками архитектуры и археологии, застройкой XIX—начала XX в., культурным слоем эпохи средневековья.

Опыт изучения Старой Ладogi побуждает уделить внимание продолжению археологических изысканий, сбережению ее памятников, повышению статуса музея-заповедника как объекта особо ценного культурного наследия народов Российской Федерации, наконец, углублению на базе экспедиции и музея-заповедника гуманитарного сотрудничества стран региона Балтийского моря. Здесь актуальна историческая традиция. По своей исторической роли и функции город в низовьях Волхова — самый первый и выдающийся предшественник Санкт-Петербурга.

В апреле 1997 г. Правительство Ленинградской области провело в Старой Ладoge и в г. Волхове беспрецедентные в нашей культурной практике выездные парламентские слушания с участием депутатов Государственной Думы (отмечу инициативные действия ректора Ленинградского государственного областного университета проф. В. Н. Скворцова), членов Правительства области, властей г. Волхова и Волховского района, ученых, сотрудников Староладожского музея-заповедника, посвященные культурному наследию этого древнего города. Были приняты рекомендации Правительства области, главной из которых было предложение о присвоении Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации. В этих рекомендациях отмечена также необходимость финансирования работ археологической экспедиции.

Тема историко-культурного наследия Старой Ладogi была обсуждена на двух заседаниях Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН в 1988 г. под председательством академика Ж. И. Алферова. Были приняты постановления, обращенные к Президенту и Правительству Российской Федерации о придании Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов РФ и о проведении в 2003 г. празднования 1250-летия Старой Ладogi — первой столицы Руси.

В 2003 г. Старой Ладoge исполнится 1250 лет. Это событие должно способствовать развитию музея-заповедника и всего региона, приведет к налаживанию отечественного и междуна-

родного туризма, скажется, надеемся, на активизации реставрации памятников и стабильном продолжении необычайно результативных археологических раскопок. Имеет упомянутая годовщина и более широкий смысл, ибо речь идет о величии, значительности и выдающейся глубине истории Восточной и Северной Европы. Юбилей древнейшего русского города своей значимостью укрепляет представление о культурной и торговой интеграции народов Старого Света, более чем 1000 лет тому назад заложивших пути развития единой Европы.

С благодарностью должен отметить моральную и финансовую поддержку, которую оказывают работам археологов Правительство Ленинградской области и Комитет по культуре Правительства Ленинградской области, Министерство культуры Российской Федерации, Федеральная целевая программа «Интеграция». Отметим, что проведению раскопок в 2002 г. с благотворительной целью помогли Объединение «Дорстройпроект», ОАО «Нева-ленд», ОАО «Лиговка», торговая фирма «Офис-клуб. Балтика», Санкт-Петербургский общественный фонд «Реформы и политика», администрация муниципального образования «Волховский район», Казанский совет народных депутатов (Татарстан).

ЛИТЕРАТУРА

Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1988.

Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладого // Петербургский археологический вестник. 9. СПб., 1994. В этой статье приводятся указания на другие работы О. И. Давидан.

Древности Поволховья. СПб., 1997.

Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.

Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля в VIII—XIII вв. // Славяно-русские древности. 1. Л., 1988.

Кирпичников А. Н. Ладога VIII—X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. 2. СПб., 1995.

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1986.

Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса. Тез. докл. СПб., 1994.

Михайлов К. А. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопки-видной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб., 1967.

Носов Е. Н. К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000.

Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999.

Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки северного Поволховья. СПб., 1884.

Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. 1(11). Л., 1982.

Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988, 1.

Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладогe // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1997.

Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб., 1997.

Средневековая Ладога. Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

СТАРОЛАДОЖСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК: ВЕХИ РАЗВИТИЯ

Староладожский краеведческий музей — один из первых музеев в Ленинградской области. За свою более чем 30-летнюю историю музей прошел несколько этапов становления: от маленького краеведческого музея до музея-заповедника общероссийского значения. Но «царской дороги» в этом движении не было.

В 1975 году для координации музейной работы, повышения профессионального уровня музейных сотрудников и выработки единых требований в учете и хранении музейных коллекций было создано Объединение музеев Ленинградской области. Староладожский краеведческий музей стал филиалом объединения, что было, в целом, положительным фактором; в рамках областных и общероссийских музейных образовательных программ научные сотрудники повышали свою квалификацию. Постепенно решался вопрос расширения экспозиционных и фондовых помещений.

В те годы отделы и службы музея размещались в одной комнате, а музейные коллекции хранились на чердаке дома купца Смоленкова. После передачи музею дома Шварца, коллектив получил добротные выставочные и фондовые помещения. За зарплату, которая была ниже прожиточного минимума, в Староладожском краеведческом музее работали не случайные люди, а специалисты: выпускники Ленинградского государственного университета, Академии живописи и графики им. Репина, других высших учебных заведений.

Образование в 1984 году на базе памятников истории и культуры села Старая Ладога музея-заповедника с включением в его состав заповедной территории было долгожданным и мудрым решением. Активную помощь музею все эти годы оказывал А. Н. Кирпичников.

Медленно, но с нарастающей силой начался процесс реставрации. И оказалось, что в рамках проблем заповедника не укладывается схема его полной зависимости от решений, которые принимаются дирекцией Объединения музеев Ленинградской области. Не имея юридической и финансовой само-

стоятельности, музей-заповедник оказывался сторонним наблюдателем тех процессов, которые, в интересах дела, должен был контролировать. Средства, выделяемые на реставрацию памятников Старой Ладogi, направлялись на другие объекты области. Реставрация памятников архитектуры чаще всего сводилась к ремонтам строительных лесов. В результате, реставрация церкви Св. Георгия продолжалась четверть века. «Брак» по любви перерос в «брак» по принуждению. В течение десятилетия решался вопрос о выходе музея-заповедника из состава ДОМЛО. Лишь в конце 1995 года был утвержден Устав Государственного учреждения культуры «Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник» и коллектив заповедника принял на свои плечи всю полноту ответственности за состояние дел в заповеднике. Нам предстояло создать качественно новую организацию, перед которой ставились сложные задачи в деле сохранения и развития культурного наследия древнего города.

Оглядываясь на свою двадцатилетнюю жизнь в музее, с уверенностью могу сказать: это был трудный период. Оставаясь в рамках объединения как филиал, музей-заповедник не смог бы вынести предстоящих постперестроечных бед: обвала туристического потока, полного отсутствия финансирования. Бюджетное финансирование, которым распоряжались за 120 верст от Старой Ладogi, не позволило бы содержать музейное хозяйство, адаптироваться к новым условиям хозяйствования. Как показала жизнь, наша самостоятельность позволила нам не только полностью сохранить коллектив, но почти безболезненно пережить этот трудный период. Все эти годы в музее-заповеднике заработная плата выдавалась в установленные сроки и, хотя уровень зарплаты все еще оставался более чем скромным, но наш кропотливый труд поощрялся ежеквартальными премиями. Сегодня средняя заработная плата в музее-заповеднике за счет собственной деятельности составляет 1200 рублей и сохраняет тенденцию к росту. Существенно сократились сроки реставрации памятников. Так, храм Успения Богородицы претерпел основную реставрацию за 4 года. Сегодня мы завершаем реставрацию дома купца Владимира Калязина церкви Дмитрия Солунского. На средства, заработанные музеем, восстановлен дом купца Александра Калязина, и к 75-летию Ленинградской области в нем открыта новая этнографическая экспозиция.

Значительно укреплена материально-техническая база музея. В содружестве с отделом новых музейных технологий Комитета по культуре Правительства Ленинградской области реализован проект компьютеризации музейных фондов. Переход

Комитета на работу с подведомственными организациями по перспективным программам дает возможность музею планировать и реализовывать проекты по самым разным направлениям: издательским, реставрационным, экспозиционным и т. д.

Второй год в рамках реализации проекта «Музей и дети» Комитет по культуре финансирует детский праздник «Люд посадский». Праздник собирает в Ладужской крепости семьи с детьми, а также детей из приютов, детских домов, санаториев и коррекционной школы. Музейно-педагогические программы направлены на решение не только образовательных, но и социальных проблем Старой Ладуги и ее округа. Они охватывают самые широкие слои от дошкольников до подростков. В будущем музей-заповедник планирует создание детского музейно-образовательного центра.

В связи с подготовкой к 1250-летию юбилею Старой Ладуги Правительством Ленинградской области принята целевая программа, по которой музею-заповеднику и Муниципальному образованию «Волховский район» в 2002 году выделены значительные средства на издательскую деятельность, реставрацию, благоустройство и ремонт объектов культуры и образования. Реализация данной программы сделает Ладугу более привлекательной не только для российского и зарубежного туриста, но и повысит комфортность жизни коренного населения.

Более 30 лет в Старой Ладуге развивается плодотворное сотрудничество между музеем и Староладужской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН. За эти годы музей значительно пополнил свои фонды археологическими древностями. И лучшим итогом нашего сотрудничества станет открытие в 2003 году нового археологического музея.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА

Ладога и Новгород — два городских центра у устья и истока одной реки — Волхова, важнейшей водной магистрали, соединявшей Балтику через Неву и Ладожское озеро с внутренними районами Восточной Европы, — находились всего лишь в 200 км друг от друга и были объединены и своим географическим расположением, и общими историческими судьбами, отражая разные стадии и характер формирования городских поселений Древней Руси.

Оба центра фигурируют на страницах древнейших русских хроник и упоминаются в связи с событиями начальной отечественной истории. Однако, если в Ладоге уже при раскопках Н. И. Репникова в 1909—1913 гг. были обнаружены материалы, синхронные летописным сообщениям, то в Новгороде, несмотря на масштабность проводимых раскопок, все оказалось не так. В важнейших точках древнего города — в кремле, близ Софийского собора, на Ярославовом дворище, на Славне и т. д. — слов ранее X в. не удалось найти, а тем самым соединить летописные известия и археологию. На десятилетия это оставалось загадкой и причиной выдвижения различных предположений.

Все встало на свои места после «археологического открытия» Рюрикова городища (или, точнее, Городища, как оно значится в письменных источниках, начиная с 1103 г.), реально состоявшегося в конце 1970-х годов. Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что по имеющимся археологическим материалам Рюриково городище хронологически предшествовало Новгороду. Здесь зафиксированы слои второй половины IX—X вв., и можно предполагать наличие и более ранних отложений. Древнейшие сведения о Новгороде, попавшие на страницы летописей, очевидно, относятся именно к Городищу.

Поселение имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части, которая располагалась как по гребню возвышенности, так и на самом низменном мысу. В последние годы сделана уникальная находка: обнаружены мощ-

ные деревянные конструкции из дубовых бревен по склону городищенского холма, относящиеся к периоду ранее конца IX в. На Рюриковом городище крайне выразительно и даже ярче, чем в Ладоге, выступает комплекс скандинавской культуры, причем выраженной в многочисленных бронзовых украшениях, находках предметов культа и оружия. По числу предметов северного круга древностей в культурных слоях поселений Рюриково городище и Гнездово на Верхнем Днепре являются самыми богатыми на территории Восточной Европы. Очень рельефно выражен на Рюриковом городище комплекс находок, относящихся к мужскому костюму. В целом, материальная культура Городища имеет гораздо более выраженный воинский — «дружинный» — характер, чем культура Ладоги.

Поселение на Рюриковом городище (древнейший Новгород), в первую очередь, выполняло функции военно-административные, связанные с его ростом как центра формирующейся новой территориальной общности, собственно новгородской земли. Ремесло и торговля, несомненно, и здесь имели большое значение, они, а не сельское хозяйство определяли облик поселка, но главное заключалось в том, что на нем был сосредоточен значительный воинский контингент, включавший немало варягов, важнейшей задачей которого являлись не только обеспечение безопасности пути, но и административный контроль обширных территорий Приильменя.

**РАСКОПКИ ЛЮБШАНСКОГО ГОРОДИЩА
В НИЖНЕМ ПОВОЛХОВЬЕ
(предварительные результаты
археологических исследований)**

В 2 км к северу от исторического центра Старой Ладogi на высоком мысу в устье Любши — когда-то полноводного правого притока Волхова, при слиянии двух рек, на крутых берегах расположено древнее городище. В его ближайшей округе находятся ранние погребальные памятники — сопки и многочисленные селища.

Мысовое городище ограничено крутыми склонами рек. С напольной стороны оно защищено подковообразным валом общей протяженностью около 70 м. Высота его достигает 3 м, ширина основания составляет до 18 м. Общая площадь памятника с учетом валов — около 1800 кв. м.

В XVIII—начале XX в. этот археологический объект находился в родовом имении князей Шаховских, где на протяжении многих десятилетий производились садово-парковые работы и плантаж местности. Во время Великой Отечественной войны на месте Любшанского городища располагался госпиталь Волховского фронта. На территории памятника были размещены санитарные строения, фундаментные основы которых частично разрушили культурный слой. Кроме того, ввиду близости фронта здесь располагался военный гарнизон, следы окопов и траншей которого сохранились до настоящего времени.

В 1968 г. городище разведочно обследовалось С. Н. Орловым. В 1970—1972 гг. его изучение было продолжено экспедицией Староладожского музея, а затем Княщинским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В. П. Петренко при участии Г. С. Лебедева.

В 1997—2001 гг. комплексное археолого-архитектурное изучение памятника было проведено Волховской экспедицией ИИМК РАН.

В результате последних изысканий установлено, что первые обитатели городища появились еще в I—V веках нашей эры. Ими были коренные жители края — финны, свидетель-

ством пребывания которых являются кремневые орудия труда и ранняя лепная керамика. На орнаментированных обломках сосудов представлены разнообразные узоры, восходящие к архаической эпохе.

В VI веке в устье Любши возводится первое по времени финское дерево-земляное укрепление летописной чуди, основанной на этом месте рыболовецкую стоянку с языческим святилищем, о чем свидетельствует огромное скопление рыбьих костей и чешуи, встреченных совместно с черепками глиняной посуды вокруг примитивных очагов. От аборигенов этих мест и произошло первоначальное финское название Ладоги. Проживание здесь финнов документировано ярким археологическим материалом. Это разнообразные находки из кости (наконечники стрел и дротиков, пряслица), изделия из камня («утожки» — гладильные камни), украшения женского убора. Поселенцы занимались подсечным земледелием и рыболовством, скотоводством, лесными промыслами. Тогда же были налажены дальние связи Северо-Запада с отдаленными восточными землями, вплоть до Прикамья.

В конце VII—первой половине VIII века городище гибнет в огне пожара. Здесь появляется новое население, создавшее уникальную для Восточной и Северной Европы каменно-земляную крепость. Внутренняя часть ее вала была сооружена из каркасных деревянных конструкций, засыпанных и утрамбованных глиной. Поверх валов стояли внушительные деревянные сооружения, достигавшие в высоту более четырех метров. С наружной стороны валы были обнесены подпорной стеной из колотой известняковой плиты, сохранившейся на высоту более двух метров. Истоки подобных фортификационных традиций восходят к обитателям Центральной Европы — жителям Подунавья, Великой Моравии и Польши. Этот ранне-средневековый памятник был оставлен западнославянской популяцией, осевшей в нижнем Поволховье и сохранившей в пережиточном виде древние черты своего быта и культуры. Здесь уместно привести сообщение одного из списков «Повести временных лет» (Воскресенская летопись), согласно которому «пришедше словѣне съ Дуная и съдше у езера Ладожскаго, и оттоль прииде и съдоша около езера Илменя (...) и содѣлаша градъ и нарекоша Новградъ». В текстах ранних новгородских берестяных грамот исследователи с достаточным основанием усматривают лексическое наследие западнославянских («ляхетских») говоров. В этом случае Любшанское городище археологически документирует наиболее раннюю эпоху продвижения западных славян в лесную зону Восточной Европы.

Наряду с Ладогой Любша, как ключевой укрепленный пункт, держала под контролем стратегический перекресток международных водных магистралей эпохи раннего средневековья. Это были Великий Волжский путь из Балтики по Восточноевропейской равнине и далее на Кавказ, Закавказье и Арабский Восток и летописный путь «из Варяг в Греки», соединявший Север с могущественной Византийской империей.

В небольшой по размерам крепости, с прилегающими к ней обширным посадом и гаванью, активно торговали купцы и работали мастерские. Ремонт местных речных, а также морских судов, приходивших с Балтийского моря в нижнее течение Волхова, был одним из основных дел здешних ремесленников. В гавани товары с морских кораблей перегружались на плоскодонные речные суда, на которых можно было подниматься вверх по течению через пороги. Это подтверждено многочисленными находками ладейных заклепок, корабельных скреп и элементов такелажа.

О развитом кузнечном производстве красноречиво свидетельствует насыщенный шлаками слой, в котором встречены десятки незаконченных изделий, полуфабрикатов и отходов обработки черного металла. Кузнецы хорошо знали секреты изготовления стали и трехслойных стальных ножей.

Здесь же работали мастера-ювелиры. Ими оставлена уникальная по концентрации и качеству коллекция — тигли, льячки, серия литейных формочек, матрицы для изготовления бронзовых украшений, бронзовые и свинцово-оловянистые слитки, полуфабрикаты и законченные ювелирные изделия.

Славянские пришельцы и местные финские мастера занимались ткачеством, обработкой дерева, кости, глины, камня. Особое значение в их деятельности имели добыча пушнины и рыболовство. Исключительно женским делом было изготовление лепной посуды. Интересным свидетельством быта являются находки музыкальных инструментов. Это свирель — полая косточка с просверленными в ней отверстиями и янтарная подставка под струны щипкового музыкального инструмента. Работая совместно, обитатели крепости обогащали друг друга своими культурными традициями.

Этнокультурная принадлежность обитателей Любшанского городища наиболее ярко отражена в элементах женского убора. Среди них — пластинчатые височные украшения, имеющие аналогии в культуре Верхнего Поднепровья и памятниках юго-восточной Прибалтики, лунничное кольцо, связанное по происхождению с Придунавьем, славянские проволочные кольца с плотно закрученной спиралью на одном конце.

Специфической особенностью культуры поселенцев являлось использование в женском уборе трапециевидных подвесок, иногда встречавшихся наборами по несколько экземпляров. Среди них преобладают обычные пластинчатые изделия, но встречены и орнаментированные образцы, аналогии которых известны в Восточной и Центральной Европе. В состав находок входят серия подковообразных нагрудных застежек-фибул и поясные наборы.

Своеобразен состав бус Любшанского городища. Здесь, как и в Ладоге, встречено множество разнообразных пронизок, однако в большом количестве (20 находок) найдены голубые четырнадцатигранные бусы, представленные в Ладоге всего лишь в четырех экземплярах. Такие бусы могли проникать в Европу по Великому Шелковому пути. Феноменом памятника является полное отсутствие рубленого бисера, представляющего основную часть бус древней Ладоги, которые изготавливались на месте. Неизвестны здесь и полихромные глазчатые бусы «ладожского» типа. В любшанской коллекции также не представлены ранние костяные гребни, хорошо известные в нижних слоях Староладожского городища.

Данные раскопок свидетельствуют о беспокойной военной обстановке, сложившейся вокруг самого северного укрепления на окраине Восточной Европы. При раскопках обнаружены десятки наконечников стрел, часть которых оказалась вонзенной в валы и каменные стены. Этот археологический факт сопоставляется со следами пожара, выявленными при исследовании памятника. Во второй половине IX века Любшанское городище прекратило свое существование. Его гибель могла быть связана с местными междоусобицами («встал род на род»), призванием варягов или первыми политическими акциями Олега Вещего.

Несмотря на хронологическую и территориальную близость двух древних поселений — Ладоги и Любши, они занимали автономное положение относительно друг друга. Лишь на последнем этапе их сосуществования намечается культурно-экономическое сближение обитателей двух центров нижнего Поволжья, где впервые встретились представители раннесредневековых народов Восточной, Северной и Центральной Европы. Однако археологический материал свидетельствует о неоднозначности такого взаимодействия, определившего в конечном итоге исторические судьбы населения Северо-Западной Руси.

Выдающийся русский художник и известный археолог Н. К. Рерих, посетивший в конце XIX века эти места, писал: «Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде

на Старую Ладугу». Рисуя любимый им пейзаж с вершины Олеговой могилы, на картине «Заморские гости» он интуитивно воспроизвел облик древней Любшанской крепости, мимо которой плывут иноземцы, с опаской взирая на каменные стены.

В настоящее время материалы пятилетних раскопок памятника находятся еще на стадии научной обработки. В рамках кратких тезисов не представляется возможным раскрыть многовековую культурно-этнологическую историю этого отнюдь неординарного археологического объекта. Но последнее должно стать темой подготавливаемой коллективом исследователей совместной обобщающей публикации.

БЫЛА ЛИ ЛАДОГА СТОЛИЦЕЙ РУСИ?

Нижеследующий текст является итогом тщательного, объективного и, главное, незаинтересованного в тех или иных выводах исследования, поскольку автор не поклонник круглых дат и помпезных юбилеев. Некоторые излагаемые ниже факты, а также их взаимосвязь до сих пор, в силу определенных исторических обстоятельств, остаются неизвестными даже некоторым специалистам, не говоря уж о широком круге читателей, интересующихся историей России.

Наиболее полный и логичный рассказ о начале русской государственности содержится в так называемой «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), общерусском летописном своде, составленном в Киеве в начале XII в. и вобравшем в себя летописные и иные записи (как новгородские, так и киевские) конца X—XI вв., а также устные предания IX—X вв., как северного (ладожско-новгородского), так и южного (киевского) происхождения. ПВЛ сохранилась во многих списках, из которых семь признаются наиболее достоверными и привлекаются для воссоздания первоначального текста ПВЛ. Три древнейших списка ПВЛ датируются в диапазоне 1377—1425 гг.

В пяти из семи списков первым городом, где «сел» приглашенный на княжение Рюрик, т. е. столицей, названа Ладога.¹ Ни в одном из семи списков (в их первоначальных древних текстах) первой столицей не назван ни Новгород, ни иной пункт. В двух списках название города, где «сел» Рюрик, намеренно опущено, что явно нарушает логику текста. В одном из этих двух, Троицком, над именем Рюрика, позднее и другим почерком было написано «Новг.».

В ныне утраченных древних списках ПВЛ, которые успел использовать в своей «Истории Российской» первый русский историк В. Н. Татищев, также в качестве первой столицы упоминалась только Ладога.

¹ Таковы следующие списки: Радзивилловский, Московский Академический, Ипатьевский, Хлебниковский и Летописец Переяславля-Суздальского.

Даже опущение имени Ладоги в двух списках говорит в пользу того, что в летописях, с которых копировались эти списки, имя Ладоги было. Вероятно, переписчики 1377 г. и позже уже были знакомы с местной новгородской легендой о первоначальном приходе Рюрика в Новгород и, встречая в летописи имя малоизвестной в это время Ладоги, опускали его.

Приведем наиболее полный текст сказания о начале русской государственности по Ипатьевскому списку (ок. 1420 г.), выделяя в нем хронологически последовательные блоки событий.

«В лето 6370 (862 г.). И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володети. И не бе в них правды. И вѣста родъ на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша.

И ркоша: «Поищем сами в себе князя, иже бы володель нами и рядил по ряду, по праву.» И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся свее, друзии же оурмани, аньгляне, инеи и готе, тако и си. Ркоша русь, чюдъ, словене, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидите княжит и володеть нами.»

И избрашася трие брата с роды своими и пояша по себе всю русь, и придоша к словеном первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрикъ, а другий, Синеусъ, на Беле озере, а третей, Труворъ, в Изборьске. И от техъ варягъ прозвася руская земля.

По дъвою же лету умре Синеусъ и брат его Труворъ. И прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришед къ Илмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша и Новъгород, и седе ту княжа».

Перед нами явно запись эпического предания, передававшегося устно и обладающего внутренней логикой, соразмерностью и ритмом.

Последующий рассказ ПВЛ о Рюрике завершается сообщением о его смерти в 879 г. и о передаче им княжения своему родичу Олегу, под покровительство которого он отдает малолетнего сына Игоря.

То, что Рюрик первоначально «седе» (сел) в Ладоге, означает, что в Ладоге он «седе на столе», т. е. на том особом княжеском сидении (прообразе трона), от которого и происходит слово «столица». Важно, что крепость в Ладоге в земле «словен» строит не только Рюрик, а все три брата «с роды своими» и со «всей русью», т. е. она создается как центральная крепость всего формирующегося раннегосударственного образования. При этом сказано, что Рюрик дает городку у Илмеря

имя «Новгород», но не сказано, что он дает имя Ладоге. Создается впечатление, что поселение Ладога под этим именем существовало и до Рюрика, а он лишь построил здесь (или возобновил) крепость. Это предположение подтверждается вариантом чтения в летописях, которыми пользовался Татищев: «и утвердиша город Ладогу», т. е. «укрепил город Ладогу».

Отметим, что в пяти из семи достовернейших списков ПВЛ (в том числе в трех древнейших) первой в числе этносов, которые приглашают заморскую «всю русь» названа некая местная «русь», явно (как и Ладога) существовавшая и до Рюрика. Такое понимание подтверждается словами «поищем сами в себе князя», говорящие о том, что заморская «вся русь» не чужая для восточноевропейских этносов, возглавляемых своей местной «русью» и, возможно, «словенами».

Столичный статус Ладоги, а также другие данные, содержащиеся в тексте ПВЛ, находят подтверждение в иностранных источниках и в археологии. Три скандинавские «саги о древнейших временах», повествующие о событиях IX—начала X вв. и во многом родственные древнейшим сказаниям, сокращенно изложенным летописцем, всегда называют резиденцией конунга (т. е. столицей) Гардарики (Руси) Альдейгью/Альдейгьюборг (Ладогу), а не Хольмгард (букв. «островной двор» — как скандинавы называли «Рюриково городище», а позднее собственно Новгород). Более того, в «Саге о Хрольве Пешеходе» (прототипом героя которой послужил знаменитый Ролло, основатель герцогства Нормандии) рассказывается о длительной его борьбе за обладание столицей конунга Альдейгьей, а в конце сообщается, что он сам «сел на стол» в Хольмгардаборге. Таким образом, подтверждается намеченная летописью общая тенденция к переносу столицы вглубь страны, подальше от набегов викингов, из Ладоги в район Новгорода, а затем в Киев. События, лежащие в основе этой саги, относятся к рубежу IX—X вв. В саге имеется термин, переводимый как «главное место сидения конунга», т. е. место, где, согласно летописи, князь «седе на столе» — иными словами, столица. Несомненно, Рюрик, «садясь» в Ладоге, лишь продолжал существовавшую задолго до него традицию, отраженную в скандинавских сагах.

Есть серьезные основания полагать, что глава Волховско-Ильменской Руси уже за поколение до Рюрика претендовал на титул более высокий, чем князь или конунг. Во франкских «Бертинских анналах» сообщается, что в 839 г. к императору Людовику Благодетелю вместе с послами византийского императора Феофила прибыли из Константинополя послы «хакана» народа «Rhos», оказавшиеся при проверке этническими

«свеонами» (шведами). Посольство «хакана» выехало из Руси не позже 838 г. и возвращалось назад через Рейн, по пути, ведущему в «Варяжское море», т. е. на север Руси. Как явствует из всей суммы археологических источников, никакого другого достаточно крупного военно-торгового центра, кроме Ладоги, где бы уже в 830-е гг. скандинавы составляли значительную часть социальной верхушки общества, на территории Руси не существовало. В частности, в 830-х гг. еще не существовал единственный серьезный конкурент Ладоги на титул первой столицы Руси — «Рюриково городище» у истоков Волхова. Так что резиденция «хакана народа рос» в 830-х гг. могла находиться лишь в районе современной Ладоги. Сам титул «хакан» говорит об ориентации «народа рос» на контролируемые каганом хазар волжско-донские торговые пути, ведущие в страны Арабского халифата, а также о зарождении смутных «имперских амбиций» у русов уже в первой трети IX в., поскольку этот титул со времени Тюркского каганата VI—VII вв. был иерархически сопоставим с титулом «император». Позднее титулом «каган» митрополит Илларион в XI в. именовал и Владимира, и Ярослава Мудрого.

Примерно к этому же времени (830—850-е гг.) восходит сообщение арабоязычного писателя Ибн-Хордадбега о том, что русы «из отдаленнейших земель славян» через земли хазар привозят в Багдад лучшие меха и мечи и торгуют там, выдавая себя за христиан.

«Житие св. Ансгария» (крестителя Швеции) рассказывает о походе и нападении в 851—852 гг. войска датчан, находившегося у города Бирки (центральная Швеция), на некий «далекий город в пределах славян», в котором, учитывая существование традиционного торгово-военного пути между Биркой и Ладогой, естественно видеть последнюю (гипотеза А. Н. Кирпичникова).

Все эти прямые и косвенные свидетельства письменных источников о событиях в Поволховье находят убедительные подтверждения в данных археологии. В соответствии с ними, Ладога с окружающими ее городками и расположенными вдоль Волхова и Сяси своеобразными культово-погребальными сооружениями — «сопками» уже в первой половине IX в. была центром раннегосударственного полиэтничного организма со своеобразной языческой религией. В 850—860-х гг. в Поволховье зарывается и не изымается из земли значительное количество кладов, что говорит о дестабилизации обстановки. В Ладоге в 850-х гг. происходит пожар, после чего в ее материальной культуре ощущается новое усиление «скандинавской традиции» (в том числе в горизонте Е-2 появляется

древнейшая руническая надпись-заклинание). Где-то между 863 г. и 870 г. еще более сильный пожар уничтожает горизонт Е-2 в Ладоге, после чего археологически фиксируется продолжение жизни на поселении в горизонте Е-1, а затем некоторое ослабление ее интенсивности. Также в последней трети IX в. на другом берегу Волхова напротив Ладоги возникает чисто скандинавский могильник с захоронениями в ладьях, существующий здесь в течение первой половины X в. В одном из женских погребений некрополя обнаружены обломки двух фризских кувшинов, орнаментированных серебряной фольгой, с явственным изображением креста. Полагают, что такие кувшины использовались при литургии и нахождение их в женских могилах Швеции говорит о результатах христианизаторской деятельности св. Ансгария.

Самое богатое погребение могильника (по-видимому, вождя скандинавской дружины) в деревянной камере с остатками сожженной ладьи над гробовищем принадлежит мужчине 60-ти лет, погребенному около 890—895 гг.

Наконец, начиная с 870-х гг. наблюдается непрерывающаяся до начала XI в. интенсивная жизнь и строительство на военно-торговом укрепленном поселении «Рюриково городище», заслуга исследования которого принадлежит Е. Н. Носову, убедительно доказавшему, что оно и является древнейшим «Новгородом» ПВЛ, расположенным у «Илмеря» (Ильменя) и «над Волховом», т. е. второй резиденцией Рюрика и второй столицей формирующейся Руси, вероятно, первоначально называвшейся финно-скандинавским именем «Невогард» («болотный двор» — т. е. резиденция на холме среди болотистой поймы) и скандинавским Хольмгард. Самое высокое всхолмление у истоков Волхова, вероятно, издавна использовалось для кратковременных остановок на водном пути. Однако некоторые немногочисленные находки на «Рюриковом городище» позволяют лишь условно говорить о начале жизни на нем с 850-х гг., а весь богатый массовый вещевой материал, в частности, хорошо датируемые бусы и гребни, относится ко времени не ранее горизонта Е-1 Ладоги, т. е. начиная от 870-х гг. и позднее.

В самом Великом Новгороде не обнаружено слоев, достоверно датируемых по сохранившимся бревнам ранее 950-х гг. Тонкий культурный слой под древнейшими деревянными постройками позволяет опустить дату начала непрерывной жизни в Новгороде не ранее, чем до 930-х гг. Так что все празднуемые страной и Новгородом годовщины зарождения Руси и Новгорода в IX в. должны, в первую очередь, соотноситься с Ладогой и «Рюриковым городищем».

В связи с вышесказанным обратимся ко второй, условно «новгородской», версии зарождения русской государственности и возникновения первой столицы Руси. Эта версия особенно хорошо представлена и разработана в списках новгородской летописной традиции, древнейшим из которых является Комиссионный список Новгородской первой летописи младшего извода (далее НПЛМ), созданный около 1450 г.

По этой версии, приглашенный Рюрик сразу «седе... в Новгороде». Но весь рассказ НПЛМ носит явные следы сокращения, нарушающего логику эпического предания. Так, в этой версии не упомянуты ни русь в числе этносов, приглашающих Рюрика с братьями, ни «вся русь», которую привели с собой братья. Последняя заменена на «дружину многу и предивну» — от последнего эпитета веет сказочностью. Зато на первое место выдвинуты «новгородстии людие». В итоге становится мало-понятной почти дословно совпадающая с «ладожской» версией фраза концовки: «И от тех Варяг... прозвашася Русь».

И последующий рассказ о Рюрике сокращен настолько, что в варианте НПЛМ попросту отсутствует упоминание о смерти Рюрика и о родственных связях Рюрика и Олега.

«Новгородская» версия явно возмечивает роль Новгорода и новгородцев и уменьшает или игнорирует роль местной «руси» и Ладоги, заморской «всей руси» и Рюрика.

Однако, утвердив Новгород в роли первой и единственной столицы при Рюрике, НПЛМ в дальнейшем невольно проговаривается об особой и важной роли Ладоги в системе складывающегося русского государства. Пересказывая легенду о походе Олега на Царьград (реально имевшем место в 907 г.), НПЛМ сообщает, что Олег после победоносного похода, проехав через Киев и Новгород, возвращается именно в Ладогу, где его и хоронят. Создается впечатление, что главной резиденцией рода Рюриковичей и главным местом их захоронения еще в начале X в. была Ладога и ее окрестности. Это подтверждается тем, что ни первая, ни вторая версии «легенды о призвании» не сохранили никакой памяти о могиле Рюрика, что было бы невозможно, если бы он был похоронен в окрестностях Новгорода. Вероятно, Олег был похоронен в Ладоге потому, что там был погребен и его знаменитый родич. Стоит обратить внимание на сообщение одной компиляции 1492 г. из летописных данных, сохранившейся в позднем и неисправном списке: «... умре Рюрик в войне в Короле...». С Карельского перешейка проще довести тело вождя до Ладоги, чем до «Рюрикова городища».

Эти данные и основанные на них предположения находят подтверждения в археологическом материале. Именно возле

Ладоги, как упоминалось выше, в урочище Плакун существовал скандинавский могильник последней трети IX—первой половины X в., на котором встречены и могилы знати. По соседству с могильником на вершине высокой сопкообразной насыпи (напоминающей о погребальной обрядности дорюриковой «руси») было обнаружено разрушенное погребение знатного мужа первой половины X в. с двумя конями и вещами скандинавского и греческого происхождения. При этом никаких достоверных следов дружинного могильника в окрестностях «Рюрикова городища» и Великого Новгорода пока не обнаружено.

Не затрагивая здесь проблему происхождения этнонима «русь-рос», давшего имя государству, остановимся на содержании его по данным письменных источников и археологии. В первой половине IX в. этим словом обозначался господствующий в Поволховье и на прилегающих территориях этносоциум, сплавленный из скандинавов и славян, с возможным включением балтов и финнов и занимавший среди других славяно-балто-финских этносов Северо-Запада ведущее положение в торговых операциях, в собирании дани, в военных и дипломатических акциях. Глава этого этносоциума «сидел» в Ладоге/Альдейгье и настаивал на том, чтобы на «международной арене» его именовали не конунгом и не князем, а тюркским титулом «хакан». В 850-х гг. чувствуется вторжение в Поволховье новой волны скандинавов, разрушивших сложившуюся ситуацию и, видимо, уничтоживших мужскую часть правящей династии — отголоски этих событий имеются и в скандинавских сагах о конунгах Альдейгьи, и в летописном рассказе ПВЛ и НПЛМ о нападении заморских варягов. Какая-то часть северной руси предпринимает в 860 г. поход вниз по Днепру на Константинополь, окончившийся неудачей, за чем последовало оседание части руси в Киеве (сведения иноземных источников и летописей). В результате для восстановления разрушенной системы даней и торговли по Волго-Балтийскому пути потребовалось приглашение на договорных началах авторитетного знатного вождя из Скандинавии, первоначально осевшего в древней столице — Ладоге (вероятно, в середине 860-х—начале 870-х гг.). Все эти события усиливали скандинавский компонент в составе «руси», однако, последующее перенесение столицы к истокам Волхова, в земли «словен», а затем и в Киев, к полянам, привело к новой и, в конце концов, полной славянизации «руси», давшей свое имя и государству.

Представление о трех последовательных столицах Руси — Ладоге, Новгороде (Рюриковом городке) и Киеве — в равной степени основаны на устном эпическом предании, зафиксиро-

ванном летописью. Однако, именно в случае с Ладогой летописные данные о ней как о поселении, существовавшем до Рюрика и ставшим первой его столицей, находят полное подтверждение в свидетельствах археологических и иноземных письменных источников, позволяющих утверждать, что Ладога была столицей некоего протогосударства, возглавляемого этносоциумом русь/рос еще до прихода Рюрика.

Представление о Ладоге как первой столице Руси полностью разделяли великие русские историки В. Н. Татищев, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский.

Ладога была и столицей Руси в первый период ее становления как государства и первыми ее «воротами в Европу и из Европы» (морские суда в VIII—X вв. спокойно доходили до Ладоги). Позднее столица Руси-России перемещается вглубь евразийских просторов (Рюриков городок, Киев, Владимир, Москва), а сама страна достигает на востоке Тихого океана и Амура. И только после этого столица России возвращается практически к исходной точке — только с учетом изменения водного режима и глубины осадки судов несколько ближе к морю — на Неву вместо Волхова. И возникает Санкт-Петербург, по точному слову А. С. Пушкина, — «окно в Европу», которое пока так и не удается превратить в нормальную «дверь».

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЛАДОГИ

Первым этапом русской истории, с которого мы можем точно проследить преемственность времени и пространства, людей и поселений был рубеж XVI—XVII века. Число документов, сохранившихся от этой эпохи заметно больше, чем более раннего времени. История Ладоги, насчитывающая многие столетия, не является здесь исключением: гораздо больше сведений о топографии города, о его жителях, о повседневной жизни горожан относится именно к этому времени. К сожалению, значительная часть этих источников не опубликована. Читатель, как правило, знает о писцовых книгах — регулярных кадастровых описаниях, проводившихся московской администрацией. Однако заметно больше сведений о повседневной жизни содержится в сопутствующих писцовым книгам документах, ведшихся не «по государеву указу», а постоянно, по челобитным дворян и детей боярских. Эти документы — обыскные, дозорные, отдельные и отписные книги — представляют собой большой корпус источников, до настоящего дня не введенный в научный оборот.

Особенностью именно ладожских и, шире, новгородских архивов рассматриваемого времени является то, что они разъединены: в 1617 году уходящие с территории Московского государства шведы захватили с собой накопившийся за время их присутствия в 1611—1617 гг. архив, и с этих пор он хранится в Стокгольме в Государственном архиве Швеции. В настоящем сообщении мы даем обзор последних новых данных о том, как протекала жизнь в Ладоге в конце XVI—начале XVII веках.

Заключительный этап Ливонской войны, начавшийся после прорыва шведской армии во главе с Понтусом Делагарди на территорию Новгородской земли, когда пали Ивангород, Ям и Копорье, непосредственно связан и с ладожской историей. Именно с этого этапа, когда городу начинает угрожать непосредственная опасность, нам становится известно о ладожских воеводах — с 1580 г. они постоянно присутствуют в городе (первый известный нам воевода — князь Григорий Конкор-

динов¹. А одному из его преемников, князю С. М. Лобанову-Ростовскому, в 1582 г. пришлось, вероятно, выдержать осаду от шведских войск. Прямых указаний об осаде шведами Ладogi нам найти не удалось, но в 1582 г. новгородским писцам Елизарию Старому и Самсону Дмитриеву не удалось проникнуть в Ладожский уезд из-за того, что «в погостах стояли немецкие люди». Надо полагать, что к Ладогe шведы подошли тогда вплотную.

Следующий этап истории Ладogi традиционно связывают со строительством Земляного города. Действительно, можно утверждать, что после Ливонской войны Московское государство вкладывает в город огромные средства, привлекая сюда трудовые и финансовые ресурсы с больших территорий, не ограничиваясь только Северо-Западом. Однако к этому же времени относятся и, казалось бы, гораздо менее яркие сведения. Мы знаем, что по меньшей мере две сотни стрельцов в это время (перед русско-шведской войной 1590—1593 гг.) составляли ладожский гарнизон — стрелецкие сотни Афанасий Семенский² и Третьяк Шаблыкин³ назначались из новгородских помещиков. В эти же годы несколько меняется и облик Ладogi — настоятель Ивановского монастыря на Малышевой горе Феогност строит мельницу на реке Ладожке, на земле, вымененной у соседнего Успенского девичья монастыря; «...а против того отделили старицы строительницы Марьи с сестрами, где оне сами излюбили полюбовно из Иванского монастыря вотчины непахотные жо земли за Иванским монастырем вотчины непахотные жо земли за Иванским монастырем над ручьем над Стрековьцом в телятники под скотины жо против тое меры в длену дватцет сажень, а поперег дватцет сажены»⁴.

В это же время, в конце 1580-х годов, расширяются владения Успенского монастыря. Еще в середине XVI столетия помещики и крестьяне Ладожской округи построили в районе

¹ Разряды 1580 г. // Древняя Российская вивлиофика. Т. 14, изд. 2. СПб., 1790. С. 388.

² Отдел губными старостами Деревской пятины Василием Ивановым сыном Мусиным и Андреем Михайловым сыном Бунковым Самойлу Игнатьеву сыном Шаблыкина части поместья его дяди Третьяка Шаблыкина, а другой части — ладожскому стрелецкому сотнику Афанасию Семенскому. 1588. 1.04 // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 16935, л. 265—266 об.

³ Отписные книги губными старостами Деревской пятины Василием Ивановым сыном Мусиным и Андреем Михайловым сыном Бунковым государева хлеба из поместья Третьяка Шаблыкина. 1588. 4.06 // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 16935, л. 304—305.

⁴ Отдел губным старостой Водской пятины Корельской половины Б. Жолтухиным земли под мельничное место Ивановскому монастырю с Малышевой Горы. 1587. 25.09 // РГАДА, ф. 1209, д. 16942, л. 281—282.

современного дачного поселка Пупышево часовню Параскевы Пятницы, рядом с которой за свой счет содержали пономаря, видимо, присматривавшего за часовней. Эти земли запустели и надзор за часовней прекратился, по всей вероятности, в годы Ливонской войны. Новгородские воеводы князь Федор Хворостинин и Григорий Морозов в 1588 г., видимо, рассудили, что попечение за часовней логичнее осуществлять монастырю, отделили ее вместе с огородным участком пономаря Старице Марье, настоятельнице Успенского монастыря⁵.

Как правило, говоря о людях, живших в то время в Ладогe, упоминают либо о воеводах и наместниках, либо о почти всегда безымянных посадских людях. Однако большая социальная группа очень часто выпадает из внимания историков. Это дворяне и дети боярские — ладожские помещики, в военное время составлявшие значительную часть городского гарнизона, а в мирное подолгу бывавшие в городе. Среди ладожских дворян эпохи правления и царствования Бориса Федоровича Годунова следует назвать «выборного губного старосту» Богдана Желтухина — избранного на земскую службу грамотного ладожского помещика, чья роспись стоит под сотнями документов, происходящих из Ладожского и соседнего Новгородского уездов. Род Желтухиных, появившийся в Ладожской округе еще при Иване III, продолжался по меньшей мере до XVIII века.

Годы царствования Бориса Годунова больше всего известны по царскому пожалованию колокола Ивановскому монастырю на Малышевой горе. Однако именно к этим же годам относится первое подробное описание ладожского яма — ключевого пункта, соединявшего дорогу из Новгорода в Ладогу и к Ладожскому озеру и дорогу из Ладоги в Орешек. На ней в постоянной готовности находились десять ямских охотников, набранных из окрестных жителей. Можно говорить о том, что в это время ямская станция находилась не только в действующем состоянии, но и под пристрастным вниманием государства — как только два охотника с ладожского яма «охудали», правительство назначило особый подробный сыск о том, кто виноват в этом «охудании».

С началом Смутного времени ключевым фактором в ладожской истории становится шведский военный фактор. Как представляется, к 1609 году простой ладожанин не понимал,

⁵ Отдел губным старостой Водской пятины Корельской половины Б. Жолтухиным старице Марье с сестрами часовни Богородицы и св. Параскевы Пятницы на пустоши Пардоме в Федоровском Песоцком погосте. 1588. 30.07. // РГАДА, ф. 1209, д. 16942, л. 283—286 об.

кто из царей «правильный», чьи указы легитимны — то ли царя Василия Ивановича Шуйского, то ли Дмитрия Ивановича — сидящего в таборах под Москвой «тушинского вора», то ли другого Дмитрия Ивановича, находящегося поблизости от Ладogi, то в Ивангороде, то в Гдове, то во Пскове, чью власть в разное время признавали также Ям и Копорье, то ли избранного московскими боярами царя и великого князя Владислава Жигимонтовича — сына польского короля Сигизмунда III Вазы. В этих условиях позиция каждого человека становилась все более и более ответственной. Еще исследователи начала XX века подчеркивали, что в сочинениях русских современников Смуты не раз подчеркивалась важность в такие времена личной позиции как государственных деятелей, так и малозначимых дворян и детей боярских.

Однако самые яркие события в ладожской истории эпохи Смуты относятся к 1610—1611 гг. 15 августа 1610 года рота французов — часть корпуса молодого шведского генерала Якова Делагарди подошла к городу и выбила из него русский гарнизон. И несколько месяцев, до февраля 1611 г., эти французы осаждались сторонниками царя Владислава Жигимонтовича — русскими войсками. Ситуация парадоксальна: за 200 лет до Наполеона, в год смерти Генриха IV, сотня французов в заснеженной Ладогe держит осаду от наступающих русских войск. До наших дней дошли документы, касающиеся повседневной жизни осаждавших. В их состав входили т. н. «новокрещены» — астраханские и казанские татары, недавно принявшие православие. И вот, под Рождество 1610 г., пятеро таких новокрещеных из-под Ладogi обратилось в новгородский казенный винный двор с просьбой пожаловать их вином для того, чтобы было чем справить праздник. Интересно то, что просят об этом не просто новгородцы, а вчерашние мусульмане.

История Ладogi 1611—1617 гг. связана с совместной русско-шведской администрацией. Если шведских военачальников в Ладогe сменилось несколько — это и Ханс Рехинборг, и Рихард Розенкранц, и Йоран Брюнно — то русскую администрацию в течение всего периода представляли местные помещики — Иван Григорьевич Шея Секирин и Василий Иванович Бутурлин. Именно им приходилось решать конкретные проблемы обеспечения шведского гарнизона, управления уездом, сборам кормов, контроля за сборами, хранения боеприпасов и т. д. К моменту передачи города под власть московских царей в городе сохранялся воеводский двор и 23 двора ладожских обывателей. Однако новому правительству пришлось заселять город заново. Именно в Ладогy были переведены дворы ореховских посадских людей, не пожелавших стать

подданными шведского короля Густава Адольфа. Именно из них происходили самые выдающиеся деятели ладожского посада XVII века — купцы Немковы и Гиблые. Подпись самого известного из них — Антипы Романова сына Гиблого — стоит под Соборным уложением 1649 г.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРЕСОК ГЕОРГИЕВСКОГО ХРАМА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Последний многолетний этап реставрационных работ по церкви св. Георгия XII в. в Старой Ладогe, проводившихся на протяжении 1976—1996 гг., сопровождался научными исследованиями архитектуры и настенной живописи. Попутно накапливались коллекции фрагментов фресок как в результате собирательской работы музея, так и по следам археологических раскопок в интерьере храма и в непосредственном окружении на территории крепости.

Вновь были рассмотрены проблемы классификации храмовой декорации и атрибуции сохранившихся и впервые открытых на стенах изображений (Сарабьянов, Орлова). Определены параметры производственного цикла, включая технику и приемы письма, нюансы стилистики (Васильев). Отдельное внимание уделено вопросам реконструкции композиционной схемы с применением пакета компьютерных программ (Васильев, Попов).

Художник-реставратор В. Д. Сарабьянов, апеллируя к византийским и русским аналогам, перемещает время росписи в конец 1180-х годов и склоняется к выводу о работе в церкви Св. Георгия только византийских художников, исключая критический анализ противоположной точки зрения В. Н. Лазарева на авторство росписей и на более раннее время их создания (Сарабьянов, 1994; его же: 1999, 2000; Лазарев, 1960). В публикации М. А. Орловой, посвященной орнаментам церкви св. Георгия, сделан особый акцент на скандинавские корни плетеных композиций живописного ансамбля храма (Орлова, 2002; Васильев, 1997; его же: 2002).

Фрески XII в. церкви Св. Георгия в Старой Ладогe в зоне внимания реставраторов и исследователей находятся с середины XV в. Характер всевозможного рода ремонтов расценивается по-разному, однако фактические данные по описям показывают примерно один и тот же состав фресок на стенах, сохранившихся к середине XIX века (Акимова, 1985; Васильев, 1988; Сарабьянов, 1995). Восстановительные работы XIX—XX вв. сопровождалась как открытиями так и утратами. В частности,

повредились живописные слои в ликах ангелов Крещения и некоторые сопроводительные надписи, разрушилась нижняя часть погрудной фигуры св. Марии мученицы; выявлены участки стенописи середины XV в. и небольшие, но очень важные для реконструкции программы фрагменты древней живописи (Сарабьянов, 1991; Васильев, 1999). От первоначальных примерно 600 кв. м стенописи в интерьере сохранилось 150 кв. м фресок; к ним прибавляется около 50 кв. м живописи на фрагментах, собранных в разное время и хранящихся в коллекциях Эрмитажа, Русского музея и Староладожского музея-заповедника.

Роль фрагментов в исследовании живописного ансамбля сводится к формированию однотипных групп с ликами, одеждой, орнаментом, сопроводительными надписями, что открывает перспективу воссоздания отдельных живописных участков. Собранные обломки дают полноценную информацию о составе грунта, краски, а также о различного рода поновлении (Васильев, 1999).

Наблюдения характерных особенностей деталей письма, орнаментальных комбинаций и сопроводительных надписей позволили говорить об индивидуальных творческих навыках художников артели. В частности, количество живописцев от ранее предполагаемых одного-двух мастеров выросло до шести-семи (Васильев, 1989; его же: 1998а).

Главному мастеру как проводнику живописных традиций стиля условно приписано изображение Вседержителя в купольном «Вознесении» (Васильев, 1989). Графическое направление в изысканной «маньеристической» версии стиля ярко представлено в творчестве автора пророческого ряда в барабане храма (Васильев, 1998а; Сарабьянов, 1999; его же: 2000). Оба они из Византии, что подтверждается как типажом персонажей, так и школой, традиции которой очевидны в рисунке, моделировании, в колорите, в мастерстве композиционного строя.

Графическому направлению стиля, принципиально близкому приемам прикладного искусства, следовали русские художники, что заметно в способе проработки объемных участков двумя-тремя красочными слоями, включающими охристую санкирную основу. На работу местных мастеров указывают выразительные примеры разрушения формы и превращение ее в абстрагированную схему, к тому же насыщенную инородными элементами. Так случилось с импровизациями архитектурного киматия, с полилитией в цокольной части храма, со стеблями растительного орнамента вплоть до предельной схематизации черепичной кровли зданий. Подобной транс-

формации мы не знаем по византийским росписям (Васильев, 2002). Сохраняет свою значимость главный признак работы русских художников, отмеченный Лазаревым — надписи на свитках (Лазарев, 1960).

Важным в изучении храмовой декорации оказался прием обрамления персонажей и сюжетов арками на колонках или арочными конструкциями, или лентами с вариациями той же аркатурной орнаментации в медальонах, что напрямую перекликается с передовыми для своего времени романскими влияниями, особенно популярными в оформлении фасадов владими́ро-суздальских церквей (Васильев, 1998б). Эта особенность живописного убранства церкви св. Георгия в определенной степени соотносится с личностью пока неизвестного нам князя — заказчика строительства и росписи храма.

На вкусы княжеско-дружинной среды ориентированы многочисленные вариации парно-симметричной композиции с изображением вероятнее всего славянских Симарглов в орнаментации верхнего алтарного окна и повторенного в стилизованном виде на других откосах. Этот мотив зачаточной тератологии уникален для стенописей, и находит ближайшие аналоги в русских рукописях, в орнаментации колтов, браслетов-обручей и т. п. (Васильев, 1998). Связь орнаментации росписи церкви св. Георгия с тем, что наблюдаем на рукописях и образцах прикладного искусства, оказалась необычайно прочной и многосторонней.

Ориентация на местные традиции заметна и в программе ансамбля, на что указал впервые Лазарев и что подтверждается отдельным размещением за северо-западным столбом изображения св. Николая Чудотворца, своими размерами почти равного максимальным масштабам погрудных фигур архангелов Гавриила и Михаила в конхах апсид и значительно превышающего размеры всех других персонажей росписи (Лазарев, 1960; Васильев, Попов, 2002). Возможная реконструкция этой зоны стенописи позволяет говорить о размещении на гранях столбов напротив святых Марии мученицы и Николая Чудотворца еще двух персонажей в подобных же размерах и, вероятно, столь же популярных на Новгородской земле (Васильев, Попов, 2002).

Последовательный анализ каждого изобразительного звена сохранившихся и добытых из раскопок фресок позволил впервые говорить о возможных правках росписей при Евфимии II архиепископе Новгородском и Псковском или в последующие времена. На ныне сохраняющихся фресках XII в. выявлены следы реставрационной живописи в личном и в сопро-

водительных надписях, в орнаменте (Васильев, 1988; его же: 1999; Сарабьянов, 1991).

Некоторые фрагменты оказываются ключевыми по составу рисунка для их атрибуции в конкретных сценах. Найдены части сюжетов «Лона Авраамова» и «Распятия». Эти фрагменты послужили материалом для восстановления недостающих частей ансамбля (Васильев, 1996).

Уже при первых обращениях к росписи нашего храма высказывались мнения о первоначальном облике живописного ансамбля. Примерному размещению обязательных или предполагаемых сюжетов, персоналий и композиционных узлов сегодня сопутствуют обоснованные реконструкции. Несложным делом оказалось восстановление утраченных участков парно-симметричных блоков мраморировок в цокольной части стен и столбов (Васильев, Попов, 2001). С некоторой долей вероятности в алтаре восстановлен фриз с медальонами и композиция Святительского чина. В парной Евхаристии мы решились на реконструкцию только нижней части престола по подобию уцелевшего фрагмента другой половины сюжета (Васильев, Попов, 2001). Расставлены наиболее вероятные звенья храмовой декорации: основываясь на уцелевших изображениях продолжены пророческий ряд и медальонный фриз на южной стене (Васильев, Попов, 2000). Все реконструкции исполняются в графике, на основе архитектурных обмеров интерьера и строго ограничены максимально достоверными или обоснованными обстоятельствами.

Помимо вновь возникающего образа композиционной схемы росписи, определяется количественный состав персоналий и открывается возможность приложения собранных обломков фресок к наиболее вероятным местам их первоначального расположения.

Значительным подспорьем в решении вопроса о жизни церкви стали рисунки-граффити, изучение которых позволило выявить группу изображений светского содержания, а также установить работу над ними как любителей, так и художников-профессионалов различной специализации. Оказалось, что часть рисунков-граффити определенно сопутствует занятиям воинского контингента прихожан; а хронологически верхняя граница их появления на стенах не выходит за рамки XV в. (Васильев, 1997; его же: 2000; его же: 2001).

В целом, и это надо отметить особо, фрагменты фресок из раскопок располагают к комплексному изучению живописного убранства. При явном следовании в разработке программы и храмовой декорации традициям Византии, в церкви Георгия

открываются черты современного этому памятнику романского и древнерусского искусства.

Спорными остаются вопросы атрибуции отдельных персонажей в интерьере; во многом загадочной остается иконография сохранившихся фресок. Неясной остается проблема организации работы в артели, в том числе, использование образцов-прорисей. На очереди: уточнение даты строительства и росписи храма, что вероятнее всего прояснится, если мы сможем узнать имя князя-заказчика; особую ценность имеют новые фрагменты стенописи, место для которых уже частично уготовано благодаря графическим реконструкциям. В новом материале кроется ответ и на вопрос о количестве художников и их мастерстве.

ВЫБОРГ И КАРЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Выборг для рассматриваемого времени (XIII—начало XV в.) представлял собой в первую очередь лишь укрепленную крепость — Выборгский замок, построенный шведами в 1293 г. на месте предшествовавшего ему карельского укрепленного поселения на острове, запиравшем выход в Выборгский залив из западного русла Вуоксы или, другими словами, преграждавшем неприятелю доступ во внутренние земли перешейка и в Ладожское озеро. Вуокса являлась не только центральной водной артерией Карельской земли и важным торговым путем, но и своеобразной осью, на основе которой эта земля развилась и оформилась. Этому в не малой степени способствовала разветвленность Вуоксинской водной системы, буквально пронизывающей весь Карельский перешеек и имеющей выходы как в Финский залив и Ладожское озеро, так и к ведущим на север к Ботническому заливу и Белому морю водным путям. Вторым важнейшим фактором, значение которого все в большей степени возрастало, начиная именно с XII в., следует назвать плодородные земли долины Вуоксы и северо-западного побережья Ладожского озера, земледельческое освоение которых послужило основой для формирования постоянных поселенческих центров, устойчивого хозяйственного развития и, в итоге, существенного демографического роста населения.

Этот отчетливо видимый в археологическом материале, письменных источниках, а в последнее время и по результатам палеоэкологических исследований период расцвета карельской средневековой культуры и экономики длился лишь около двух столетий (конец XII—XIV в.). Он совпал по времени с активизацией борьбы Великого Новгорода со Швецией и немецким рыцарским Орденом за земли, лежащие между уже завоеванной рыцарями Прибалтикой и собственно новгородскими владениями. Эти земли по Неве и южному побережью Финского залива были населены прибалтийско-финскими племенами и достаточно долго, вплоть до 1270-х годов, сохраняли независимость, не входя формально в состав Новгородского государства. До начала массивного наступления

Швеции и немецких крестоносцев они управлялись местными старейшинами и в определенной степени формально являлись ничейными. Тем не менее эта территория находилась в зоне новгородских интересов, которые регулировались системой взаимовыгодных военно-политических и торговых соглашений и союзов с местными племенными элитами (знатью). Новгород также принимал участие в межплеменных столкновениях в этом регионе на стороне своих союзников (помогая, к примеру, кореле против еми) и наоборот, ижора и корела часто выступали на стороне Новгорода в военных предприятиях последнего.

Пик вооруженного противостояния Новгорода со Швецией и Орденом пришелся на середину XIII в. (Невская битва и Ледовое побоище, постройка деревянного немецкого замка в Копорье и взятие его вскоре штурмом возглавляемой Александром Невским новгородской ратью, в состав которой входили отряды новгородцев, ладожан, карел и ижорян). Активную роль в этой борьбе играла папская курия, что придавало ей характер крестовых походов и большой масштаб; мы можем на этом основании говорить об этой эпохе как начале противостояния между Востоком и Западом. Немалую роль играли и чисто экономические интересы, которые также объединяли королевскую власть Швеции и Церковь. Ответные меры Александра Ярославича (Невского) установили надолго стратегическое равновесие в регионе. Параллельно укреплялась административная власть Новгорода на территориях и ранее находившихся под его влиянием. С 1270-х годов в источниках уже постоянно упоминается Карельская (Корельская) земля Великого Новгорода. Успех смогли закрепить лишь шведы в 1293 г. в результате так называемого третьего крестового похода в Карелию, когда был основан Выборгский замок. Безуспешные попытки новгородцев овладеть новоотстроенным шведским замком, так же как и неудачная попытка шведов продвинуться к берегам Ладожского озера и захватить центральную и восточную часть Карелии (кратковременный захват карельской крепости Кякисалми в устье Вуоксы) обозначили определенное равновесие сил, которое было закреплено мирным договором, «вечным миром», подписанном в только что построенной новгородской крепости Орешек в устье Невы в 1323 г. Новгород был вынужден оставить шведам три западных погоста и с этого времени начинается шведская история Выборга, получившего городские привилегии в 1403 году. Успешно закончившийся шведский поход 1293 г. в Карелию, постройка Выборга и отторжение трех погостов разделило Карельскую землю. Самостоятельное внутреннее развитие Карелии было

сильно подорвано и ограничено; для управления этими землями назначались шведская и новгородская администрации во главе с наместниками. Центрами управления разделенной Карелии стали Выборг (1293 г.) и заново построенная в 1310 г. на месте карельского (с 1295 г. Новгородско-карельского) Кякисалми крепость Корела.

Выборгский замок стал известен со времени его закладки, о которой сообщается в древнерусских летописях («приехавше свея, поставиша город на корельской земли») и шведских хрониках. Как первые, так и вторые подчеркивают, что крепость построена на «корельской земле», «в землях язычников». Длившееся почти двести лет противостояние Новгорода и Швеции в этом регионе закончилось захватом Швецией трех западных карельских погостов, который был закреплен постройкой Выборгского замка. Официально обозначенной целью крестового похода в Карелию и закладки там опорного пункта — замка была борьба с «ужасными разбойниками — язычниками, которых называют карелами», обращение их в христианскую веру, защита Шведского государства и обеспечение безопасности судоходства.

Достаточно долго (поскольку культурные слои жилой части средневекового города в достаточной мере практически не исследовались) оставался открытым вопрос о раннем городском населении периода XV—XVI вв. Что стало с жителями захваченного шведами укрепленного поселения на Замковом острове и были ли на материковой части будущего города более ранние карельские деревни? И наконец, когда начинается история города как торгового центра, какова динамика его роста, интенсивность и объем торговых связей с восточной частью Карелии, Новгородом и в целом с Востоком?

Проведенные нами в 2000—2001 гг. раскопки в восточной части города, внутри построенной в 1470-е годы городской каменной оборонительной стены, показали, что эта наиболее опасная (походы новгородцев 1294, 1322, 1351, 1411 гг., во время двух последних из которых пострадала заселенная к 1351 году материковая часть Выборга), территория города была заселена непосредственно вскоре после постройки стены в последней четверти XV в. Впоследствии жизнь на этом участке не прерывалась, что хорошо читается по сохранившимся строительным горизонтам деревянных конструкций последней четверти XV—первой половины XVI в. Этому, вероятно, способствовало установившееся после 1411 года затишье в военных действиях. Оно продолжалось до известных событий 1495 года («Выборгский гром»), когда московское, огромное по тем временам, войско почти три месяца осаждало Вы-

борг. Представляется необычным, что в раскопках, проведенных в непосредственной близости от взорванной при осаде 1495 г. башни св. Андреаса и у основания соседней Ратушной башни, зафиксирован лишь один незначительный слой пожара и более мощный с наружной стороны городской стены у Ратушной башни. Поражает также практически полное отсутствие предметов вооружения и воинского снаряжения.

Раскопки последних лет продемонстрировали, что во второй половине XV в. Выборг был связан торговыми отношениями со странами Западной Европы (прежде всего Германией и Голландией), Скандинавии (Швецией в первую очередь) и Прибалтики. Обращает внимание значительное количество предметов «восточного» происхождения. Особенно наглядно это отражается в керамическом материале и находках кожаной обуви.

Интерес вызывают находки XV—XVI вв. из перемещенного слоя, представленные главным образом керамикой, в том числе из беложгущейся глины, а также поплавками из сосновой коры и грузилами из камней, обернутых берестой, хорошо известных по раскопкам в Кореле и Орешке. Примечательно, что в самых ранних источниках по истории шведского Выборга рыболовство вообще не упоминается в ряду занятий и промыслов горожан. Город изначально развивался как торговый; практически вся посуда и обувь были привозными. Каких-либо заметных следов местного производства не обнаружено. Обувь, к примеру, естественно чинилась, но на более чем 2000 фрагментов кожаной обуви и кусков кожи приходится лишь единичные обрезки из отходов производства.

Возвращаясь к оставшимся ранее без достаточного внимания связям Выборга с Новгородом и Новгородской Карелией обратимся снова к письму шведского короля Биргера (от 4.3.1295) Любеку и другим торгующим на Балтике городам, где содержится первое упоминание Выборга и даются «широкие свободы» в торговых поездках морем в Новгород. Запрет касался оружия, железа, стали и продовольствия сверх личных потребностей. Надо полагать, что ограничения и запреты и в то время легко обходились, как это происходило на протяжении всей истории. Что же касается восточной, приладожской части Карелии, то Вуокса давала прямой выход туда и далее в Олонец и по Волхову также в Новгород.

СТАНОВЛЕНИЕ ПСКОВА

В череде юбилеев, приходящихся на 2003 год, свое скромное место занимает круглая дата в истории города Пскова — 1100 лет первого упоминания Пскова на страницах русских летописей. На протяжении более семи десятилетий здесь ведутся археологические раскопки. Накопленные за эти годы материалы и наблюдения позволяют достаточно полно представить культурную стратиграфию средневекового города — от времени появления первого поселения на Псковском городище и вплоть до начала Нового времени.

Догородской период в истории поселения при слиянии Псковы и Великой материализовался, главным образом, в культурном слое Псковского городища. Древнейшее поселение на площадке городища принадлежало носителям асвенской культуры (середина—третья четверть I тыс. н. э.). В первой половине I тысячелетия н. э. здесь находился поселок носителей культуры каменных могильников. В середине—третьей четверти I тысячелетия н. э. на территории будущего города существовало несколько поселений культуры длинных курганов: одно из них размещалось на площадке городища, остатки еще одного фрагментарно зафиксированы на Запсковье. В последней четверти I тысячелетия н. э. площадку Псковского городища занимал крупный поселок, принадлежавший прибалтийско-финскому населению, родственному носителям рыугеской культуры.

В конце IX вв. (вскоре после 860 г.) на месте поселка рыугеской культуры при слиянии Псковы и Великой появляется и на протяжении X—начала XI вв. существует раннегородское образование. В это время к югу от городища формируется обширное неукрепленное предградье, появляется курганный некрополь. В составе населения фиксируется присутствие профессиональных ремесленников, торговцев и воинов. Вещевой инвентарь и детали погребального обряда указывают на этническую пестроту жителей города, среди которых присутствует прибалтийско-финский, славянский и скандинавский (варяжский) компоненты. В топографической близости от города открыто несколько околгородских поселений, синхронных го-

роду. Соотношение поселенческой агломерации близ впадения Псковы в Великую с памятниками округа Пскова дает основание соотносить возникновение раннегородского образования с летописными событиями 862 г.

Новый период в истории Пскова начинается непосредственно после гибели раннегородского образования (после крещения, соотнесенного с летописными событиями 1036 г.) и охватывает время с середины XI до рубежа XIII—XIV вв. Данные о планировке и застройке города вместе с наблюдениями, полученными при анализе сфрагистических находок, дают основание разделять этот период на три этапа. Первый из них охватывает вторую половину XI—начало XII вв. В это время происходит постепенное формирование стабильной уличной сети и дворовой застройки кварталов в междуречье Псковы и Великой. Со строительством каменного детинца на рубеже XI—XII вв. и с появлением околгородской «зоны обитания» завершается оформление древнерусского города Пскова.

Второй этап охватывает XII—середины XIII вв. — полтора столетия топографической и демографической стабильности города. Большую часть этого времени Псков являлся административно-политическим центром формирующейся в низовьях Великой округи — ядра будущей Псковской земли. Псковский княжеский стол в эти десятилетия контролировался, главным образом, представителями старшей ветви потомков Владимира Мономаха — Мстиславичами-Мономашичами. Есть основания говорить о кратковременном периоде (1132—начало 1140-х годов) включения Пскова и его округи в состав Новгородской земли. Завершением этапа стало насильственное включение Нижнего Повеличья в пределы юрисдикции великих владимирских князей.

Важным этапом в истории Пскова является середина XIII—начало XIV вв. (от взятия Пскова новгородско-суздальскими войсками в 1242 г. и вплоть до разрыва Пскова с Новгородом в 1307 г.). Большая часть этапа связана с именем князя Довмонта-Тимофея, занимавшего Псковский стол с 1266 по 1299 г. Именно в это время в Пскове возводятся новые каменные стены, увеличившие площадь городских укреплений более чем в два раза, организуется княжий двор, расширяется территория городского посада за счет включения в его черту зоны обитания на Запсковье, подвергнутой перепланировке.

После провозглашения псковским правительством в 1307 г. суверенитета Пскова начался новый период в истории Пскова и Псковской земли — эпоха существования Псковской феодальной республики. Сведения письменных источников и результаты анализа сфрагистического материала дают возмож-

ность разделить этот период на три этапа. Начало первого из них материализовалось возведением новой линии крепостных сооружений (1309 г. — «стена посадника Бориса»), переустройством детинца, ставшего местом сосредоточения городских хлебных складов («кромские клети», ранее 1314 г.), возможно — устройством нового княжьего двора (20-е годы XIV в.). Завершением этапа можно считать 1342 г. — год юридического признания новгородским правительством политической независимости Пскова («Болотовский договор», впервые упомянутый под 1348 г.). Этому событию предшествовало устройство вечевого площади Пскова (1337 г.), материализовавшее собой формирование института коллективного посадничества. Тогда же в Пскове появился первый кодекс права — «Александрова грамота» (1337 г.), данная псковскому боярскому правительству князем Александром Михайловичем Тверским.

Второй этап существования Псковской боярской республики (середина XIV—начало XV вв.) материализовался созданием репрезентативного столичного центра республики (Г. Я. Мокеев), что явилось следствием формирования новой структуры управления Псковской республикой — на основе кончанского представительства. В градостроительстве этот этап фиксируется возведением новых крепостных стен города «вокруг всего посада» (в дереве — конец 1360-х годов, в камне — 1374/1375 г.) строительством нового собора Св. Троицы на Крому (1365—1367 гг.), застройкой храмами территории Довмонтова города и превращение этого участка псковской крепости в церковный центр республики (последняя треть XIV—начало XV вв.). Возможно, на эти же годы приходятся переустройство княжьего двора (1384/1385 г.) и вечевого площади (1392/1393 г.). В конце этапа происходит кодификация первой редакции Псковской Судной грамоты (около 1410 г.), созданной на основе «Александровой грамоты» (1337 г.) и дополненной «Константиновой грамотой» (1382 г.).

На 1415—1468 гг. приходится время наивысшего расцвета Псковской республики, ставшее одновременно и десятилетиями ее заката. Начало этапа связывается с реформами структуры республиканского управления (1415—1424 гг.), отразившимися в новых сфрагистических регалиях. Реформы материализовались полным переустройством вечевого комплекса Пскова (1418—1424 гг.), началом самостоятельной монетной чеканки в Пскове (1424 г.), установлением республиканской эмблематики (1415 г.?). Завершение этапа приходится на 1468 г. — время юридического признания Псковом вассалитета к Москве. Этому событию предшествовала реформа управления (начало 1460-х годов), кодификация новой редакции

Псковской Судной грамоты (1462 г.), переустройство вечевого комплекса (1463—1465 гг.), строительство нового кольца крепостных сооружений Пскова — Окольного города (1465 г.), включившего в пределы городских укреплений не только все кварталы жилой посадской застройки (кроме посадов на Завеличье), но и обширные незастроенные пространства. Переход Пскова под протекторат Москвы в конце 1460-х годов явился следствием прихода к власти нуворишей — бывших «посажан», получивших статус «мужей-псковичей» после строительства крепостных стен Окольного города.

Кратковременный, но очень важный период в истории Пскова приходится на последнюю треть XV—начало XVI вв. Это — время существования так называемого «Господарства Псковского» — административно-территориального образования, сохранявшего видимость суверенитета, но находившегося под протекторатом великокняжеской московской администрации. Начало периода — реформа 1467/1468 г. — материализовалось изменением сфрагистических регалий у всех основных институтов власти республиканского Пскова, появлением в эмблематике Пскова фигуры «лютого зверя» («барс»), переходом к чеканке биэмблематичной монеты пониженного веса, соответствующей московской монетной стопе. Фактом истории именно «Господарства Псковского» (а отнюдь не Господина Пскова!) стала знаменитая «брань о смердах» 1483—1486 гг. Завершением периода стали январские события 1510 г. («Падение Пскова»), материализовавшиеся, в частности, уничтожением «кромских клетей» и гибелью в пожаре служб канцелярии владычных наместников. В целом, период существования «Господарства Псковского» переходным от структур республиканского устройства с их политической и экономической независимостью к вхождению территории бывшей Псковской республики в состав Московского государства с его жестоко пирамидальной структурой управления, основанной на принципах бюрократического централизма.

Последний период средневековой истории Пскова охватывает два столетия пребывания Пскова в составе Московского государства. Можно говорить о двух этапах этого периода. Рубежом между ними стало Смутное время. На первом этапе (1510—1581 гг.), несмотря на перемещение торговой площади из центра города на Полонище в Окольный город, Псков в общих чертах сохранил традиционную топографическую структуру, отдельные составляющие которой (с учетом новых функций) подвергались переосмыслению. Материализацией этой стабильности явились неоднократные фортификационные работы, направленные на усиление Псковской крепости конца

XV в., сохранение территории Крома в качестве места городских (великокняжеских) хлебных складов, а вечевой площади в качестве «государева двора». Завершением этапа стали события Ливонской войны: хотя город и выдержал осаду, предпринятую войсками Стефана Батория, территория Псковской земли в ходе военных операций пришла в запустение. Последовавшие два десятилетия заложили основы необратимого процесса изменений социальной топографии города, начавшихся с учреждения псковской епископской кафедры (1589 г.), и переосмысления функций Крома, ставшего средоточием служб архиерейского дома.

Второй этап (конец XV—XVII вв.) характеризуется постепенным изменением социальной топографии города: исторический центр Пскова сохраняет значение центра административной жизни и идеологического центра, в то время как деловая жизнь города постепенно перемещается на бывшие окраины. В археологическом материале этот этап характеризуется появлением массовых находок предметов западноевропейского происхождения; в градостроительстве этап материализовался интенсивным каменным гражданским строительством, что явилось следствием накопления в руках отдельных купеческих семей Пскова (Поганкины, Меншиковы, Русиновы, Подзноевы) значительного капитала. Об этом же свидетельствует и сокрытие в XVII в. многочисленных монетных кладов, ряд которых был обнаружен при археологических раскопках.

Одновременно происходит ветшание и разрушение градостроительного центра Псковской республики. Последним ударом по нему стала подготовка Пскова к Северной войне: многие храмы, находившиеся в запустении, а также обветшавшие стены Крома, были засыпаны землей для устройства на полученных земляных холмах артиллерийских бастионов («Красная батарея», «Рождественская куртина»), в церквях Довмонта города были размещены склады воинского снаряжения и амуниции. С переходом на рубеже XVII—XVIII вв. к городской застройке европейского типа (фасадами вдоль уличных проездов) Псков вступил в эпоху Нового времени.

МОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОДНОГО ТУРИЗМА

Древняя Русь возникла и развивалась на водных путях, связывавших Северную и Западную Европу с Византией и с Арабским Востоком. Реки и озера были главными артериями, связывавшими отдельные города и земли Руси на протяжении столетий, вплоть до XVIII века. По ним перевозились грузы, совершались военные походы, торговые и дипломатические поездки.

Тысячи кораблей нашли свое последнее пристанище в водах Финского залива и Ладоги, где с давних пор проходили оживленные корабельные пути. Уже в средневековье эти воды бороздили дракары и кноры викингов, ганзейские коги и ладьи новгородцев. Но особенную интенсивность судоходство приобретает здесь после основания Петербурга, куда с востока по речным системам стекались грузы из бескрайней России, а с запада приходили корабли со всего мира. Опасности для мореплавателей здесь крылись в мелях, подводных камнях и порогах, в отсутствии надежных гаваней, где можно было бы переждать штормовую погоду.

В результате изучения документов о гибели судов, исторических водных путей и навигационных карт определились места массовых кораблекрушений различных эпох, представляющих интерес для проведения подводно-археологических работ. Они находятся на опасных для плавания участках водных магистралей. В Финском заливе это: Нарвская и Выборгская бухты, окрестности островов Гогланд, Котлин и Березовых. В Ладожском озере кладбища судов находятся в юго-западной части — от истоков Невы до устья Волхова.

Подводные археологические работы последних лет демонстрируют прекрасные перспективы создания в исторических музеях Северо-Запада экспозиций, связанных с морской археологией. Одной из интереснейших тем для экспонирования представляется Выборгское морское сражение. На его месте была бы возможна организация первого в стране подводно-археологического музея-заповедника.

Существуют возможности и туристического обозрения затонувших кораблей прямо в водной среде, в легководолазных костюмах или с подводных спускаемых аппаратов, что позволило бы, с одной стороны, избежать их дорогостоящих подъема и консервации, а с другой — внесло бы в экспонирование элементы романтики и экзотики.

Другим направлением морской археологии является реконструкция древних судов и совершение плаваний на них по историческим водным путям. Археологические находки древних судов и их деталей позволяют наглядно представить как выглядели и какую конструкцию имели корабли славян, финнов и скандинавов. Так, в странах Балтийского региона водный туризм на судах, построенных по древним образцам в последние десятилетия, приобрел необычайно широкие масштабы.

Докопаться до истины, с головой уйти в прошлое — таковы цели участников этих экзотических путешествий. Именно такие энтузиасты часто и делают в наше время открытия на поприще истории, ставя смелые научные эксперименты, даже не будучи специалистами. В процессе путешествия идет постоянная фиксация обстоятельств и времени плавания в разных условиях: на веслах, под парусом и при переволакивании ладьи на перекатах бичевой, отрабатываются приемы гребли, управления парусом, преодоления порожистых участков рек. Другой немаловажной стороной такого путешествия является стремление его участников к открытию для себя чего-то нового, к свежим впечатлениям, к знакомству с неизвестным. Именно эти цели во все века и звали любознательных людей в путь.

В 2001—2002 гг. в Южном Приладожье проводились работы по проекту реконструкции древнерусской морской ладьи «Славия», в которых участвовали Северо-Западный институт наследия, ИИМК РАН. Генеральный спонсор проекта — общество «Русская Ганза». Торжественный спуск ладьи на воду состоялся 9 июня 2002 г. в пос. Усть-Ижора. Реконструкция древнерусской ладьи основана на археологических, изобразительных и этнографических материалах. Археологические находки — части и детали средневековых судов из Старой Ладogi, Новгорода и Пскова, содержат подробную информацию по средневековой судостроительной технологии. Изображения средневековых ладей имеются на древнерусских иконах, фресках и книжных миниатюрах. До последнего времени в Южном Приладожье сохранялась «Ладожская ладья» — судно, использовавшееся для плавания по Ладожскому озеру и сохранив-

шее в своей конструкции многие средневековые элементы судостроения. Обобщение всех этих материалов и использование практического опыта в строительстве деревянных судов позволило создать научную реконструкцию древнерусской ладьи.

Работы в области морской археологии открывают перспективы для развития на Северо-Западе России отдельных направлений водного туризма — подводного плавания с посещениями затонувших кораблей и плаваний по древним водным путям.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

- Белецкий Сергей Васильевич* — ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук (в дальнейшем ИИМК РАН), доктор исторических наук, профессор.
- Богуш Владимир Борисович* — председатель Комитета по культуре Правительства Ленинградской области, заслуженный работник культуры Российской Федерации.
- Васильев Борис Григорьевич* — ведущий научный сотрудник Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (в дальнейшем Староладожский музей-заповедник).
- Губчевская Людмила Александровна* — директор Староладожского музея-заповедника.
- Двас Григорий Викторович* — вице-губернатор Ленинградской области, доктор экономических наук
- Кирпичников Анатолий Николаевич* — заведующий отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.
- Мачинский Дмитрий Алексеевич* — старший научный сотрудник научно-просветительного отдела Государственного Эрмитажа.
- Михайличенко Михаил Моисеевич* — председатель Комитета по информации, печати, телерадиовещанию, средствам массовой информации и связям с общественностью Ленинградской области.
- Носов Евгений Николаевич* — директор ИИМК РАН, заведующий кафедрой археологии Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук.
- Пустотин Николай Иванович* — вице-губернатор Ленинградской области.
- Рябинин Евгений Александрович* — ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, доктор исторических наук.

- Сакса Александр Иванович* — научный сотрудник ИИМК РАН, кандидат исторических наук, доктор философии (дипломирован в Финляндии).
- Селин Адриан Александрович* — заместитель директора по научной работе Староладожского музея-заповедника.
- Сердюков Валерий Павлович* — Губернатор Ленинградской области, кандидат экономических наук.
- Скворцов Вячеслав Николаевич* — ректор Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина, доктор экономических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации.
- Словохотов Владимир Дмитриевич* — директор и художественный руководитель Санкт-Петербургского государственного театра сатиры на Васильевском.
- Сорокин Петр Егорович* — научный сотрудник ИИМК РАН, кандидат исторических наук.

**КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ, ИСТОРИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Научно-практическая конференция
(Тезисы докладов)

Приложение к «Вестнику Правительства Ленинградской области»

Под редакцией А. Н. Кирпичникова
(ответственный редактор и составитель),
В. С. Пономарева, В. С. Симакова

Лицензия Госкомпечати РФ ЛР № 040511 от 29.07.97.

Подписано к печати 19.08.02.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,37.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Тираж 200 экз. Заказ № 898.

Издательско-полиграфический комплекс «Вести».

193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.

